

**МИССИЯ
ВЫПОЛНИМА**

**АЛЕКСЕЙ
Варламов**

11

СЕНТЯБРЯ

Миссия выполнима

Алексей Варламов

11 сентября

«ВЕЧЕ»

2017

Варламов А. Н.

11 сентября / А. Н. Варламов — «ВЕЧЕ», 2017 — (Миссия выполняема)

ISBN 978-5-4484-7156-8

Что связывает московскую девушку Варю, международного террориста Анхеля Ленина, бельгийского авантюриста Питера Ван Супа и старого советского шпиона в маске профессора? Ответ на этот вопрос, а также многое другое – в огненной и кровавой мистории на подмостках трех континентов. Революции, заговоры, побег, чехарда фальшивых имен и поддельных документов, Че Гевара и Сербия, страстная любовь и кровная месть. Все узлы стягиваются вокруг одной даты: 11 сентября отрубили голову Иоанну Предтече, 11 сентября Пиночет захватил власть в Чили, 11 сентября совершена одна из самых страшных террористических атак в современной истории человечества...

ISBN 978-5-4484-7156-8

© Варламов А. Н., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	13
Глава четвертая	15
Глава пятая	18
Глава шестая	21
Глава седьмая	25
Глава восьмая	30
Глава девятая	35
Глава десятая	39
Глава одиннадцатая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Варламов

11 сентября

Часть первая Путешествие

Глава первая Сестры

Все события, происходившие в ее жизни, Варя делила на две части: те, что будут и не будут иметь последствия. Она легко справлялась с мелочами, которые отравляют жизнь каждому человеку, а женщине в особенности, никогда не переживала оттого, что у нее перед носом уходил троллейбус или рвались колготки, и очень трепетно относилась к вещам серьезным, каковые могли сказаться на ее репутации. Однако именно на пути у самоуверенных и не зависящих от душевных капризов женщин встают преграды, которые ни объехать, ни обойти.

За пятнадцать лет до скончания века, когда Варя училась в хорошей московской школе и была почти круглой отличницей, правда, многие оценки получая за тихий нрав, большие серые глаза и легкое заикание, проявлявшееся в минуты волнения, с ней произошла история, о последствиях которой она поначалу не задумывалась, но которая перевернула ее жизнь.

В последний день октября она вышла из школы позднее обычного и заметила, что кто-то на нее смотрит. В ту пору на нее пялилось немало мальчишеских глаз, она к ним привыкла и воспринимала как естественную и неизбежную часть жизни, но этот взгляд был особенным. Взгляд был таким глубоким и мудрым, будто залетел не то из далекого прошлого, не то из отсроченного будущего, хотя принадлежал он самой обыкновенной девочке. Не особенно красивой, круглолицей, пухленькой, в очках и короткой юбке, в каких мало кто рисковал ходить. А уж тем более в студеную пору. Да и ноги у нее были не такие, чтобы всем открывать. Говорила девица простуженным, гундящим голосом, из носа у нее капало, она вытирала его рукавом зеленой болоньевой куртки, а довершали эту картину болтавшаяся у колена холщовая сумка и синий берет с красной звездочкой на малость большеватой голове.

– Здравствуй, – просипела незнакомка на курьих ножках. – Ты чего так долго?

– Нас задержали, – сама не зная почему, стала оправдываться Варя. Встреча была с ветераном.

– Вот тоска-то. Я бы сбежала сто раз.

– И никакая не тоска. Очень даже интересный дядечка. В Испании воевал. А потом еще в Америке и на...

– Ладно, давай знакомиться. Меня Марией зовут.

Назвавшая себя библейским именем протянула руку с обгрызанными ногтями и посмотрела на нее теперь не так бездонно, как из толпы, но пристально и дерзко.

– Целоваться не будем, а не то я тебя заражу.

«Ненормальная», – только и успела подумать Варя.

– А ты ничего. Красивее, чем я думала. Но на меня ничуть не похожа.

– А почему я должна быть на тебя похожа? – осторожно спросила Варя.

– Да так, – Мария склонила голову набок, – пройдемся, что ли?

– Пройдемся, – кивнула школьная красавица, ощутив легкое покалывание на кончиках измученных музыкальных пальцев.

Девочки свернули налево по переулку и вышли на Рождественский бульвар, где неспешно прогуливался праздный люд, обитающий в центре Москвы и свысока относящийся к приезжим из-за Садового кольца.

– Ты чего как в воду опущенная?

– Сама ты в воду опущенная! – рассердилась Варя.

– Четверку, что ль, получила?

– Ты откуда знаешь?

– Да по тебе видно, что зубрилка.

– Никакая я не зубрилка. Ты вообще кто такая? – Она остановилась и краем глаза заметила двух знакомых подростков – коротышку и верзилу, которые с независимым видом стояли у крыльца и делали вид, что одноклассница их вовсе не интересуется. В случае чего защитят. Хотя что ей может эта кубышка сделать? Варя была патологически труслива и любопытна одновременно, но умела оба этих качества скрывать и производила впечатление уверенной в себе и невозмутимой барышни.

Но девица оказалась прозорливей.

– Ты меня не бойся.

– Вот еще! Я только не понимаю, почему должна за тобой тащиться, если мне в другую сторону?

– Потому что мы с тобой сестры.

– Что-о?

– Мне про тебя папа рассказывал.

– Где он? – вскинулась Варя и сразу же девочке поверила.

– Умер. А ты не знала?

– Не з-знала.

– И другого папы у тебя нет?

– Нету, – почему-то покраснела Варя.

– Значит, теперь будешь знать. Присядем, сестренка.

Ошарашенная, Варя поплелась к лавочке вслед за той, что назвала себя сестрой. Девочка была примерно ее возраста. Значит, папа одновременно... Варя едва не задохнулась от этой мысли. Она видела своего родителя только в младенчестве, не помнила ни его лица, ни голоса, но ассоциации он вызывал у нее добрые, как плюшевый мишка.

Девочка меж тем достала из холщовой сумки початую бутылку «Пшеничной» водки.

– Ну давай.

– Я не буду. Ты что? – Варя заозиралась по сторонам, но на бульваре в этот час никого не было, только обнаженные мужские и женские фигуры, поддерживавшие крышу, смотрели на девочек с фасада четырехэтажного дома напротив.

– Чуть-чуть хлебни. За знакомство.

– Вот еще.

– Тогда за помин папиной души, – строго и укоризненно сказала сестра, наливая водку в складной пластмассовый стаканчик. – Знаешь, сколько за ней люди теперь стоят и мучаются?

Запах из стаканчика шел чудовищный.

– Меня вытошнит.

– Пей, говорю!

Варя зажмурилась, разом опрокинула в себя ужасную жидкость, и та неожиданно показалась ей приятной. Единокровная сестра достала плитку шоколада и разломилась надвое. После водки горечи в шоколаде не ощущалось, а дрожь прошла.

– А как он умер?

– С моста в реку бросился, – не переставая жевать, ответила сестра.

– Папа покончил с с-собой?! – вскрикнула Варя.

– Тише ты, ненормальная! Знала б я, что ты такая психованная, не стала б ничего говорить.

– Почему он так сделал?

– Он записок не оставлял. Еще будешь?

Они по очереди отхлебнули, и Мария вытащила сигарету.

– Куришь? Я так и думала. Сразу видно, что паинька. А это что за кенты? Тебя ждут?

Варины пажи застыли шагах в сорока, как две статуи. Должно быть, они так опешили, что даже не скрывали больше волнения и интереса, но оба виделись Варе не совсем четко, и весь бульвар покосился, так что если бы школьница встала, то покатила бы вниз на Трубную площадь, как с ледяной горки.

– А, ничего чувачки. Особенно тот, что с краю.

Девочка помахала мальчикам рукой и закинула ногу на ногу.

– Наш папа был человеком странным, с судьбой, окутанной туманом, – говорила она насмешливо, выпуская колечками ароматный дым «Золотого руна», и сердце у Вари больно сжималось. – Ты не грусти о нем. Он жизнь прожил короткую, но насыщенную.

– А я даже не помню, как он выглядит, – произнесла Варя печально. – И фотографии дома ни одной нету.

– Я его тоже не помню.

– Да ведь ты же говорила, что он тебе про меня рассказывал!

– Если по правде, это только чтобы с тобой познакомиться, – шмыгнула носом сестра. – Но мне мама говорила, что папа хотел с тобой встретиться, честно. Давай еще по одной.

Где-то далеко было слышно, как несется машина «скорой помощи», кричали вороны, но видимый мир не желал возвращаться к прежнему незамутненному образу, а, напротив, становился еще туманнее, и лишь разбойная девица в берете не исчезала. Состояние это было для Вари не только ново, но и приятно. Девица снова отхлебнула из горлышка, но, когда Варя потянула руку к стаканчику, строго сказала:

– Больше не дам. – И убрала стаканчик.

– А ты вообще откуда взялась? – спросила Варя, с трудом ворочая языком.

– Из Кеника.

– Откуда-откуда?

– Калининград знаешь?

– Да, – ответила Варя неуверенно. – У нас в Калининграде Арсеньев живет. Он на электричке в школу ездит. А потом на метро две остановки.

– Чего ты мелешь, – возмутилась сестра. – До Кеника двенадцать часов на поезде!

– Как же Петька тогда? – расстроилась Варя.

Петька Арсеньев был чудовищный зануда, хилак и маменькин сынок, его дразнили и девчонки, и мальчишки, и когда Варя представила, что ради этих мук он каждый день катит по двенадцать часов в одну сторону и потом столько же в другую, ей сделалось жалко неказистого мальчика до слез: «Надо будет сказать ребятам, чтобы его поменьше мучили».

– Не знаю, как твой Арсеньев... – отрезала Мария. – Может, он блаженный какой. Или на самолете летает. Слушай, мне пописать надо. Я себе, кажется, там застудила все, к черту, из-за твоего старикана. Пошли к тебе.

Девочки поставили на скамейку недопитую бутылку, к которой тотчас же ринулся непонятно откуда взявшийся маленький, остроносый, длиннородый субъект в фетровой шляпе, похожий на умного гнома, и двинулись вверх по бульвару. С младенчества знакомый каждым деревцем, он показался Варе таким узким, что трудно было вписаться в дорожку. Бульвар кидало как палубу в корабельный шторм, ажурные решетки были похожи на леера, рядом, то смеясь, то сердясь, шла не по сезону одетая невеста откуда взявшаяся девица и поддерживала подпрыгивающую Варю за локоть. Ухажеры потоптались и отстали, прохожие оборачивались и

смотрели вслед, уверенные, что подружки дурачатся. Знакомые и незнакомые лица мелькали перед глазами, сливаясь в одну полосу, точно спицы в колесе, к которым привязали разноцветную тряпицу. Сестры свернули на Сретенку, потом в Последний переулочек и поднялись по темной лестнице старого дома на последний этаж.

Сходил на нет короткий предзимний день, Москва лежала перед ними: крыши домов, купола церквей, два высотных здания, за ними вокзалы и путепроводы, а все, что дальше, терялось в серой мгле, словно там находилось море. Обе затихли и уставились перед собой.

– Я часто туда смотрю, когда грустно. А еще, знаешь, – потянуло Варю на откровенность, – я люблю ложиться на подоконник и перегибаться на улицу. Мне кажется, сейчас полечу. Вот так. Смотри.

– Ты что, спятила, бабахнутая?!

Мария едва успела схватить сестру за подол и оттащить от окна.

– Ну ты, блин, даешь! Папина дочка.

Она перевела дух и закурила:

– А это твоя комната? Класс! У меня своей нет. Я с братьями живу. Ботанами. – Легкая гримаса исказила ее лицо. – Один стихи пишет да любит всякую дребедень слушать, а у самого рожа в прыщах. А другой вообще в кровать писается.

– Значит, у нас есть еще и братики? – всхлипнула Варя, которую сама идея, что ее родственник за несколько часов невообразимо расширился, привела в восторг, и сквозь слезы на лице заиграла блаженная улыбка.

– Стасик и Вася от других пап, – уклончиво ответила Мария, и острый, как у мышки, взгляд маленьких, круглых, черных глаз стал перемещаться по комнате, пока не наткнулся на фотографию военного летчика.

– Это кто такой?

– Сент-Экзюпери.

– А... А это?

– Джон Леннон.

– А этого я, кажется, и сама знаю. Актер какой-то.

– Нет. Поэт. Лорка.

– Ты в них влюбилась, что ль, во всех, целый иконостас повесила?

Варя вспыхнула:

– И ни в кого я не влюбилась.

– Никогда не понимала, как можно сходить с ума по знаменитостям, – отрезала сестра. – У нас в классе тоже все перевлюблялись. А по мне, лучше обычного парня завести.

– Да кто на тебя посмотрит!

– Посмотрят. У-я! Кассетник какой классный. Откуда?

– Мама из Швеции привезла, – с холодным торжеством молвила Варя.

– Везет! А мне хоть бы «Электронику» купили. Дождешься, как же! Я раньше вообще в интернате жила.

– Ужас какой!

– Ничего не ужас, у нас там клевая была компания. А потом меня забрали домой, и через неделю я сбежала обратно. Но меня уже не взяли.

Она вздохнула и так мастерски, одним щелчком выбила из пачки новую сигарету, что Варя тоже захотелось попробовать курить, как вдруг она почувствовала страшную слабость и вцепилась пальцами в косяк.

– Я вообще часто сбегаю, – голос Марии доносился точно из радио на коротких волнах, пробиваясь сквозь помехи не тронутых сережками Вариных ушей. – Достанут все, сяду в автобус или на попутке. А ты чего такая зеленая?

– Мне что-то нехорошо... – прошептала Варя, сползая по стене на пол. Я, наверное, заболела гриппом.

– Ерунда, это от водки, с непривычки. Пойди в туалет и блевани. Сразу полегчает.

Варе и половины этих слов хватило, чтобы густо покраснеть, вспотеть и провалиться сквозь землю, но сестра уже тащила ее по закоулкам большой квартиры, путаясь в дверях и отпихивая кусавшего за ноги большого, похожего на окуня полосатого кота.

– Ну и хоромы у вас. Да брысь ты, чертова кукла! Терпеть не могу кошаков. Ну, сестренка, давай! И не стесняйся меня, мы ж не чужие. А теперь водой холодной умойся, и все. Я давно тебе написать хотела, – продолжала неприятно грандычать девочка, когда Варя, пошатываясь, вышла в коридор. – Знаешь, несколько раз пыталась. А только начну, спотыкаюсь. Ну правда. Здравствуй, дорогая Варя! А может, ты и не дорогая, а мымра? Пишет тебе твоя сестра, но ты меня не знаешь. Ерунда какая-то! Да ну, взяла и приехала. Проводнице наврала, что от класса отстала. Думала, не понравиться – уеду. На фиг мне такая сестра. А оказалось ничего. Я даже не ожидала, если честно. Приезжай летом ко мне. У нас там море, коса. Ты была когда-нибудь на косе? Ой, Варька, там такие волны. И янтарь можно собирать. Я бы дружить с тобой по-настоящему не могла – мы обе красивые, – такие пацанки не дружат. Но мальчишкам такие нравятся. У тебя с кем-нибудь было? У меня пока тоже. Целовалась, конечно, ну там кофточку расстегнуть. А по-настоящему нет. Ты когда собираешься? Я тоже не решила. Слушай, а подари мне что-нибудь. Вот это можно? – Мария выхватила из шкафа любимый Варин батник кремового цвета, который та всего два раза успела надеть.

Безо всякого стеснения сестра стянула с головы свитер и футболку, под которой ничего не оказалось, и надела батник, обтянувший ее бочкообразное туловище.

– Маловат, – деликатно произнесла Варя, и в желудке у нее заурчало.

– Растянется, не наше барахло. Эх, мне бы еще шубку как у тебя.

– Шуба у меня только одна, – испугалась Варя.

– Ладно, ладно, я пошутила... Слушай, а у тебя деньги есть?

– Так, немного.

– Дай, а? А то неохота опять с этими проводницами... Я потом вышлю, честно. А теперь быстренько похаваем, перекурим, и мне пора.

Варя на еду смотреть не могла. А Мария опустошила наполовину холодильник и пропала. И было непонятно, была она или только Варе привиделась. Если бы не исчезнувший батник, некормленный кот, запах табака, тяжелая голова и грязная посуда на кухне, можно было бы подумать, что никакой сестры у Вари и не было.

– Целовалась, не целовалась, – пробормотала она, подходя к окну. – Чушь какая-то. Как Карлсон, с крыши прилетела. Лучше бабуле ничего не говорить. Иди сюда, Пиночетик, буду тебя кормить.

Глава вторая

Ложки

Но бабушке рассказать пришлось, хотя, конечно, и не все. Старушка любила всякие житейские истории и, если бы Варя утаила такую важную, никогда бы ей этого не простила. Просто не поняла бы ее, поджала губы и стала говорить в нос. Стремительно трезвея, внучка навела на кухне порядок, затем, преодолев отвращение, съела чеснок и, когда в восьмом часу на пороге появилась изящно одетая старенькая женщина маленького роста, в пальто и шляпке с вуалью, старательно занимавшаяся Вариним воспитанием в связи с долговременным отсутствием ее мамы, девочка открыла было рот, чтобы поведать о внезапно объявившейся сестре, но бабушка не дала ей слова молвить.

– Варвара! Только что я встретила в молочном Евгению Львовну...

Евгения Львовна была самой чудовищной сплетницей на всем пешеходном пространстве от Яузского бульвара до Гоголевского, и можно было предположить, что она бабуле наговорила.

– Я ее не видела, – переходя в атаку, отрезала Варя.

– Зато она тебя видела и рассказала, что...

– Я водку пила на бульваре?

– Фу, Варя! Этого она не говорила. Но ты была в обществе... в обществе... – Бабушка защелкала пальцами. – Деточка, подруг надо выбирать из своего круга. Что о тебе подумают?

– А чем она ей не понравилась? Подумаешь, юбка у нее короткая.

– Дело не в длине юбки. Но она одевается не в тон. Что ты такое ела, не пойму.

– Бабушка, папа умер.

– Господи, помилуй. – Старуха перекрестилась. – Шалопай был, но добрый человек. А ты откуда знаешь?

– Сестра сказала.

– Гм... Сестра?

– Да, – с вызовом сказала Варя. – У меня есть сестра. Очень добрая и хорошая девочка.

– Матери-то, пожалуй, не надо про сестру писать. Расстроится, плакать там опять будет, – произнесла бабушка задумчиво.

– Не будет, – отозвалась Варя угрюмо. – Она вообще не знает, что такое плакать.

– Это ты, деточка, жизни не знаешь.

– А Мария сказала, что ей ее мама сказала, что папа говорил, что ему перед тобой стыдно было.

– Передо мной-то что? – Бабушка опустила голову, но видно было, что последние слова в Вариной тираде ее растрогали. – Конечно, если бы мама тогда не поехала в это свое Чили... Я ей говорила, убеждала.

– Не могла папу за измену простить?

– Вот еще какие глупости, – пробормотала бабушка. – Из-за такой ерунды разве люди расходятся? Нет, там другое было. И все равно с Евгенией Львовной надо здороваться. Ее муж был нашим торговым представителем в Индии. Это, конечно, не Персия, но тоже место недурное. Я тебе не рассказывала, какие у нас висели в Тегеране ковры?

Варя обожала бабушку. Они жили душа в душу, хотя иногда, будучи в дурном расположении духа, когда получалась четверка по географии или плохо ложились волосы, Варя могла старушку оборать, та не оставалась в долгу, грозилась подать на размен, уехать к двоюродной сестре в Ереван или к племяннице в Оленегорск, но после они легко мирились, пили чай с мятными пряниками и разговаривали за жизнь. Рассказывать бабка обожала так же, как Варя слушать. И рассказы эти напоминали некую спираль, где на известные с детства сюжеты накручивались новые подробности соответственно Вариному возрасту и житейскому опыту, чуть-

чуть внучку опережая, так что многие вещи прояснялись только время спустя. В этих байках много было несурезицы, истории противоречили одна другой, в них переплетались крестьянские и дворянские корни, поклонники путались с мужьями и друзьями семьи, но все они были людьми исключительно благородными. Варя любила распутывать старухины клубки, но поймать бабулю на лжи не могла – старуха так лихо все обставляла, что всякий раз оказывалась в героях, а Варя в дураках. Точно так же она охмуряла своих старомосковских подруг, которые приходили по воскресеньям на журфиксы, Варя играла на фортепиано и демонстрировала хорошие манеры. Бабушка повелевала, а Варя смиренно исполняла, так что бульварные старушки, воспитывавшие хамоватых московских внуков, качали головами и были похожи на детей, которых дурит фокусник-иллюзионист, распиливая женщин и выпуская из кармана голубей.

– А осенью, когда стали бомбить, мы поехали в деревню. И вот приходит ко мне однажды летчик. Вошел в избу, мы на задание как раз собирались. Вызвал меня в коридор и к стене прижал.

«Изнасиловал?» – Варя побоялась произнести это слово, но в глазах у нее застыл ужас.

– Да нет, не насильничал, – неопределенно и как-то слишком уж простонародно ответила старуха, накручивая на палец волос, – так... Мне и не попало почти ничего, больше по ногам потекло. А он меня сразу же в сельсовет. Поднял среди ночи председателя, пистолетом замахал, заставил расписать нас.

– А ты?

Но бабка вдруг замолкла, и Варю, которая и без того не понимала половины подробностей, раздражало, что надо ее все время подталкивать.

– А что я? Знаешь, какие женщины бывают, только тронь – и готово. Вот и понесла.

Варя покраснела и с укором посмотрела на свою воспитательницу.

– А его через месяц убило.

– Ты его, наверное, очень любила? – с придыханием спросила Варя.

– Чего любить-то. Я его и не знала толком. Даже откуда он родом.

– Постой-постой, ты же говорила, что дедушка был консулом и у вас был необыкновенный медовый месяц?

– Консулом был Самуил Иегудович, мой следующий муж. Он умер от тропической лихорадки во время борьбы с космополитизмом. Ты не видела ложки?

– Какие еще ложки? – пробормотала Варя, и в животе у нее снова заурчало.

– Серебряные с позолотой, подарок Семена Андреевича. Ума не приложу, куда могли деться!

– Зачем мне твои ложки, бабушка?

Варя подошла к окну: вокзалы померкли во тьме. Город затих, никакие звуки не залетали в комнату, как если бы за окном разворачивались картины немого кино. Мотив с последней пластинки Поля Мориа звучал у нее в голове, и снова давешняя сладкая тоска накатила на девочку. Она подумала о поезде, ехавшем в ночи, и о пассажирке общего вагона, которая, сжав в кармане украденное серебро, смотрела в темное окно, а может быть, вышла в тамбур курить, где с ней заигрывал молодой солдат, отпущенный на десять дней из части за отличную службу. Варя никогда не ездила в поездах дальнего следования, но видела так отчетливо эту картину, словно в ней открылся дар даже не ясновидения, но перевоплощения, и это не невесть откуда взявшуюся в Вариной жизни и растревожившую душу дурнушку, но саму красавицу Варю качало в вагоне скорого поезда, а точнее, стала Варя той девочкой, превратилась в свою сестренку – авантюристку, врушку и воришку, детдомовку, незаконнорожденно разрушившую счастье Вариной мамы. Сыплется пепел на пол, солдатик раздухарился, рассказывает смешное и угощает пивом, которое они по очереди пьют из одной бутылки. Варя склонила аккуратную

головку со стрижкой каре из салона красоты «Чародейка» на служивое плечо с жестким погоном и зажмурила глаза.

И чувство было таким сильным, что невозможно было его дальше выносить. Жалко становилось Варе всех – и глупенькую девочку эту, и солдата, который не знает, что его ждет, и маму, и себя, и весь этот поезд, в ночи несущийся на край земли сквозь партизанские земли, где воевала когда-то бабушка и погибла бы, когда б не безвестный летчик, благодаря которому стояла Варя у окна, а половина земного шара выучила русский язык.

Странный рисунок возник в Вариной голове, в нем переплелись какие-то ниточки и сплелись в паутину, в сеть, куда попала, запуталась вольная душа, облепила лицо, и захотелось продрасться, на свежий воздух выйти.

– Я пойду пройду, – крикнула она бабушке, нырнула в дверь и, прежде чем старушка успела что-либо сказать, скатилась по лестнице и пошла по бульвару.

А там осенняя ночь, хрустели под ногами замерзшие лужи, редкие звезды светились в слепом небе и так же мало, как звезд, осталось прохожих, но страшно не было, все прохожие в этот час были братья и сестры, а на лавке, где сидела она с Марией, спал гном в фетровой шляпе, допивший их бутылку, и что-то бормотал на непонятном языке.

Глава третья

Сон о далеких горах

Бывает так, живет человек, живет, и все у него хорошо, учится, дружит, читает умные книжки, ходит в театры, занимается общественной работой и спортом, а потом ерунда, мелочь случается, пустяк совершеннейший и срывается лавина, обрушивается на бедняжку, все летит в тартарары, он карабкается из-под снега, ему и душно, и тяжело, не за что уцепиться, все похоже на сон, из которого не можешь вывалиться, а когда вывалишься, то не понимаешь, где ты и что с тобой.

В таком сне Варя увидела папу. Они сидели в незнакомом стесненном городе-пленике в котловине среди высоких заснеженных гор, и почему-то шла война, летали самолеты и сбрасывали бомбы, на улицах были танки, люди бегали, кричали, горело массивное здание с красно-бело-синим флагом, а папа ни на кого внимания не обращал и только ласково смотрел на Варю. И хотя ей страшно было, с папой все нипочем. И папа был такой, о каком Варя мечтала: высокий, с открытым лбом и светлыми глазами, похожий на писателя Фадеева.

«А ты почему от мамы ушел?»

«Я не уходил никуда. Просто она любила другого».

«Мама?» – не поверила Варя.

«В нее влюблялось очень много мужчин».

«И ты?»

«И я».

«Но как же тогда Мария?»

«Ты не обижайся на сестру. Она немного странная, но добрая девочка. Я бы хотел, чтоб вы подружились».

«Она ложки серебряные у бабушки украла и батник мой любимый взяла», – пожаловалась Варя.

«Ерунда, – сказал папа уверенно. – Батники скоро выйдут из моды, серебро было поддельным, а Мария тебя никогда не предаст».

«А ты зачем себя убил?» – насупилась Варя.

«Кто тебе сказал такую глупость?»

«Маша».

«Она болтушка и фантазерка».

«А как же тогда?»

«“Как же, как же”... Меня убили. Вот как».

И исчез. А вместо него появился старик-интернационалист.

«Я твоего папашу велел кокнуть, – хихикнул ветеран. – А сестре скажи, чтоб штанишки теплые поддевала», – и прокукарекал три раза петухом.

Все смешалось у Вари в голове, далекий город превратился в знакомый бульвар, а бульвар – в комнату; девочку замутило, обожгло, кожа сделалась чувствительной, покрылась пупырышками – больно коснуться, ознобом прихватило, к горлу подступила тошнота, и круглое бабушкино лицо выглянуло из сумерек, как луна.

– Бабушка, это я ложки украла, – облизнула сухие губы Варя.

– Тише, деточка, тише! Там гости пришли.

– Я их отнесла в комиссионный, потому что мне деньги были нужны. А в какой комиссионный, не помню, там у входа дядька маленький стоял в шляпе, он у меня за рубль купил.

– Ты вся горишь!

– У меня живот очень болит. Позови Пиночета.

И свернулась у себя на кровати точно младенец, пытаюсь боль убаюкать, и снова провалилась в забытие. А очнулась оттого, что здоровенный мужик в несвежем голубом халате согнал кота и подобранный на помойке вор, хам, драчун и лицемер, которого сначала мирно назвали Кузей, а он подрос на щедрых бабы Любиных харчах и стал драть всех котов и маленьких собак в округе, и тогда его переименовали в честь подлой мумии и гориллы, выгнул спину и злобно на доктора зашипел. Но мужику до грозного кота дела не было, он повернул Варю на спину, задрал рубашку и стал шупать живот. Девочке сделалось невыносимо стыдно, она принялась бить нахала по рукам и натягивать рубашку на ноги, но мужчина держал ее руки и все сильнее нажимал.

– Здесь не больно? Не больно? А здесь?

– Что с ней, доктор?

– Да что угодно, хоть внематочная беременность!

– Господи помилуй! Ей шестнадцать нету!

– И что? Собирайте ее в больницу.

Пьяный был, наверное, доктор. Или несчастливый.

– Не поеду я в больницу, – встрепенулась Варя.

– С болью в животе шутки не шутят.

– Не отдавай меня, бабушка.

Старуха заколебалась и умоляюще поглядела на врача.

– Дело ваше. Пишите расписку.

Утром пришла без вызова участковая, грузная еврейка с густыми бровями и усиками на верхней губе.

– Ну что тут у нас стряслось?

Долго слушала, живот трогала, хотя и не так больно, хмурилась, ворчала и задавала неловкие вопросы, ругала последними словами дурака из «скорой», который хотел девочку на стол отправить, брови у нее ходуном ходили; Варю казалось, что она превратилась в Буратино, вокруг которого собрались ученые врачи и решают: пациент скорее жив или мертв?

– От нервов все. Что вы хотите, ребенок без отца, без матери растет. Девочка впечатлительная. Заварите травки, пусть попьет успокоительное. Диетку пособлюдает. Это ничего, пройдет.

– Чайку выпьете, Сарра Израилевна?

– Лучше кофейку, Любовь Петровна.

– С молоком?

– Я черный пью.

Долго на кухне сидели, еврейка жаловалась на дочерей, которые надумали насовсем уезжать.

– Сегодня, говорят, пускают, а завтра неизвестно, как все повернется. А я куда поеду? Молодым там, может быть, и лучше, а что я буду, безъязыкая, делать? Пока есть силы, таскаюсь по вызовам. А работу брошу, сразу слягу. Вот вы бы поехали?

Изящно одетая старенькая женщина наклонилась к участковой и шепотом, точно кто-то подслушивал их, произнесла:

– Отсюда? Куда угодно. А дочь моя – дура!

Глава четвертая

Мама

Снег валил целый день и всю ночь, исчезла панорама вокзалов и громадных высот за окном, даже соседний дом едва угадывался в мутной метели, на улицах останавливались машины, птицы забились под крышу, московские старожилы не находили дорогу и по нескольку часов блуждали по переулкам, путая Лихов с Гаевым, а Скатертный с Хлебным. Снег залепил глаза атлантам и кариатидам в доме на Рождественском бульваре и укрыл их одеждой, и стало Варе легче, точно привалило снегом ее тоску. Откинув одеяло, девочка подходила к окну и бездумно смотрела поверх снежного вихря, угадывая в нем колышущиеся гигантские фигуры неведомых существ.

Тоска не вернулась, но после болезни словно подменили Варю. Не улыбалась она, как прежде, похудела, под глазами остались черные круги.

– Ты, может, влюбилась в кого?

В кого она влюбится? В кого могла влюбиться Варя, если росла в женском монастыре, а мужчины существовали только в рассказах и книгах, не было мужа у бабушки, не было у матери и ее сестер. Говорят, мужчина, выбирая жену, бессознательно ищет или отталкивается от образа матери, а женщина – от отца. А Варе на кого было заглядываться и с кем равнять? Мальчишки в классе дураки дураками, только шуточки глупые шутили, здоровые уже были лбы, а все из трубочек плевали жеваной бумагой, либо уставится на тебя на уроке какой-нибудь дурачина. Варя затылком взгляды эти чувствовала, они ей сосредоточиться мешали и примеры правильно решать, из-за них запятые не там вставляли и путались в голове исторические даты, когда кто с кем воевал и какие цари за какими шли. Но стоило повернуться, убежали мальчишеские глаза. Когда еще эти дети подрастут? А тех, что постарше, с подстерегающими на лестнице или в раздевалке, ошупывающими, оценивающими взглядами, она боялась – враждебное, несущее угрозу от них шло. С девочками лучше было. Проще. Понятнее. Девочки друзья, мальчишки враги. Когда-нибудь все перевернется, но пока Варя любила лишь женский мир и вслед за матерью презирала мужской, где никогда не уступят места в метро и не пропустят вперед женщину, не подадут ей руки, презирала, но одновременно и тосковала по нему. Настоящие мужчины были раньше, а потом они зачем-то поубивали друг друга, бабушке достались последние.

Варя впитала это убеждение в детстве, им был насыщен старый дом, отциклеванные полы, лакированная мебель и холодные постели – мужчины не были допущены в чистый и затхлый дом, потому что приносили с собой беспорядок, резкие запахи, сквозняки, пыль, царапины и громкие голоса. Они были хаотичны, немощны, инфантильны, все как один не желали взрослеть и брать на себя ответственность. Так внушала Варе странствующая по ойкумене высокая светловолосая женщина, приходившаяся ей родной матерью, полная противоположность домоседке бабуле, от которой ученая дама с двумя степенями не унаследовала ничего: разбойный легчик, видно, вложил в так и не увиденную им дочку предсмертную страсть души и тела, и мать получилась неукротимой и буйной, как гашетка. Она клокотала энергией, не умела ничего делать медленно, носилась по квартире, не выпуская изо рта сигарету, давала указания домочадцам, преподавала русский язык иностранцам и большую часть времени проводила вдали от дома, благодаря чему Варя была хорошо одета и накормлена, но что такое материнское воспитание, не знала. Маленькая, она сильно от этого страдала, была к матери привязана и, когда та уезжала в очередную жаркую или холодную страну, просила взять ее с собой, обещала слушаться и хорошо себя вести, устраивая на проводах душераздирающие сцены, но матери хватило того раза, когда она бежала под дулами автоматов с двухлетним ребенком из Сантьяго. Приключения не отбили у нее охоту к дальним странствиям, и Варя

привыкла, что мама где-то. Над кроватью у девочки висела большая карта мира, Варя высчитывала расстояние между Москвой и столицами других государств, и чем старше становилась, тем меньше тосковала оттого, что живут они порознь. У матери своя жизнь, у нее и бабушки своя. Варе было достаточно того, что маму уважают на работе, доверяют самые ответственные группы, она могла бы научить русскому языку и лягушку, написала шесть учебников и кучу пособий по падежам и видам глаголов, которые зачитывались до дыр африканцами, арабами, вьетнамцами, американцами, турками и шведами.

А больше ничего и не надо было. Уважение, которое Варя испытывала к матери, вполне заменяло ей недостающие ласку и любовь. Девочка могла часами слушать, как расхваливают ее необыкновенную маму кафедральные подруги, но когда мать ненадолго приезжала, Варя – ей стыдно было в этом сознаваться, и никому она об этом не говорила – считала дни до ее отъезда и вместе с бабушкой радовалась тому, что жизнь вернулась в обыденное русло, не звонит каждую минуту телефон, никто не курит в комнатах и на кухне, не варит черный кофе и не учит домочадцев правильной жизни. Они ждали писем, волновались и благословляли далекие страны, где хотели учить экзотический русский язык.

Великим специалистом была мать и благородным занималась делом, самые ярые враги большой страны умолкали, когда она входила как в клетку во враждебные аудитории, смирялись злобные эмигранты всех волн, твердившие, что давно не осталось России и все куплено КГБ, а мать побеждала всех, как Шалапин клакеров в итальянском театре «Ла Скала». Но порой Варе казалось, что дело тут вовсе не в языке, не в профессорском престиже и авторитете великой державы и любили иноземные студенты маму за другое. Она была фантастически красива. Когда Варя смотрела на свою матушку, даже собственная миловидная внешность, которой девочка то любовалась, то из-за нее расстраивалась и часами просиживала у зеркала, пытаясь угадать, что таит в себе образ напротив – уродина она или ничего, – все это меркло, отступало на второй план, и Варя испытывала чистое и бескорыстное восхищение материнской красотой. Мать была красива лениво, небрежно, в любом наряде, ей было уже за сорок, но что-то ослепительное сквозило в ее облике. У нее была довольно крупная фигура, тяжелые волосы, но при этом руки и шея оставались изящными и двигалась она удивительно легко. Такие женщины повелевают, властвуют, мужчины в их присутствии ощущают неполноценность, а обычные женщины невольно приседают и отходят в сторону.

Красивая-то красивая, думала, подрастая, Варя, только кому эта красота нужна? Она пропадала втуне, ею бескорыстно любовались все изучающие русский язык, эта красота была отзвуком, воплощением не то Прекрасной Дамы с безымянной собачкой, не то старозаветной купеческой дочки, что сводила с ума мужчин, а после ушла в монастырь. На эту красоту клевали, попадались сумасбродные иноземцы, которые вместо того, чтобы заняться полезным и практичным делом вроде медицины или юриспруденции, искали тайны славянской души и верили, будто бы красота спасет мир. Мать увлекала их, как хлыстовская богородица, в ней воплотилась, по представлениям глупых маргиналов, вечная Россия, которой дела не было ни до большевиков, ни до их врагов, и жила она своей тайной жизнью, а умная женщина в театральной вишневой шали никого не разубеждала, понимая, что так легче и интереснее учить чужой и трудный язык. Варя подозревала, что в ней умерла, а может, нашла себя великая актриса, разыгравшая из двух видов, шести падежей и трех склонений гениальную пьесу, которую сама же написала, поставила и исполнила главную роль, – но какой мужчина последний раз поднимался на эту сцену, кто трогал тяжелые волосы, касался этих плеч и целовал чувственные губы? Что, кроме отстраненного восхищения, золотых дипломов на стенах и научного признания, у матери в жизни было? А может быть, и было, кто знает...

Иногда ей хотелось об этом выведать, но как? Бывают простые женщины, бывают мамы-подружки, у которых можно спросить: «А ты папу любила? А расскажи про своего первого мальчика. – Или даже попросить: – А научи, как надо целоваться». Но ее неприступная

мамаша, наверное, могла научить только правильно спрягать глаголы. Мать была загадкой, тайной, самой страшной тайной в жизни Вари, может быть, даже более страшной, чем отец, и раскрыть эту тайну она опасалась. Колдовская кровь текла по жилам матери, по жилам бабки и по ее собственным. Каждая использовала опасный дар на свой лад: бабушка создала дом и набила его столовым серебром, посудой, тканями, книгами и коврами, мать сделала карьеру и повелевала миром, играя в нем странную и опасную роль, и Варя еще не знала, как распорядиться этим сокровищем ей, но, быть может, помочь это сделать и была призвана беспутная балтийская сестра.

Глава пятая Несчастье

Сначала они писали друг другу письма. Варя аккуратно, а Машка нет. Варя подробно и несколько занудно, а Машка то отделялась небрежными листочками, то присылала целые сочинения, которые московская школьница читала по нескольку часов, разбираясь в каракулях сестры. Но без этих писем она скучала. Мария заполняла зияющую пустоту в ее жизни, и теперь Варя меньше таращилась на панораму трех вокзалов. Но еще сильнее сестра будоражила душу и вносила в нее смуту.

Машка и возмущала, и ошеломляла, и злила ее. Варю поражало в письмах сестры не обилие мальчиков – о мальчиках и у них в классе любили поговорить, особенно в раздевалке перед уроками физкультуры, – а то обожание или даже пресмыкание, с каким сестра о них рассуждала. Этим ничтожеств она обожала и не стеснялась свое обожание признавать. Перед ними млела, приседала, расписывалась в своем бессилии – в самом никудышном была готова увидеть невероятные достоинства и повиснуть у него на шее. К концу года буйной девичьей переписки Варя сбилась со счета козликов, о которых писала влюбчивая и неразборчивая калининградка.

«Возможно, это проистекает от некрасивой внешности, ужасной одежды, хотя закомплексованной Марию назвать трудно. Но меня это раздражает. Если успех Марии связан с ее доступностью, то это гадко и ужасно, и я не должна с ней дружить. Но ведь она моя сестра, сердце у нее доброе, и иногда мне кажется, что она гораздо чище, чем я», – записывала Варя у себя в дневнике и сама боялась того, что писала, но чем дальше, тем больше чувствовала, как нарастает в душе раздражение против бабушкиного воспитания, музыкальной и английской спецшколы, манер, фортепиано, фигурного катания, против учителя испанского языка, долгоязого малахольного доцента Ленинского пединститута, который приходил к ней по четвергам, разбирал маэстро Асорина, стойчески терпел все ее капризы, был обременен несколькими семьями, каждой оставленной жене платил алименты и занимал свою ученицу лишь одним вопросом: что могли столько женщин в этом уродце и зануде находить и не были ли они все этаким коллективной Машкой?

Ее справедливая натура была возмущена чудовищным несоответствием между мужскими пороками и женской красотой и добродетелью, Варя росла стихийной феминисткой и, быть может, именно по этой причине читала Марии морали:

«Ты не имеешь гордости и не умеешь ценить себя, но во имя нашей дружбы ты должна перемениться».

«Правда, Варька, правда, – отвечала Мария. – Если бы я была такая же принципиальная, как ты! Но я не могу с собой ничего поделать. Мне их жалко всех. Они такие несчастные».

«Несчастливыми люди бывают только по собственной воле», – возражала Варя.

«Хорошо тебе рассуждать, ты вон какая – одеваешься хорошо, и мама у тебя за границей. А я? Если я буду такой, как ты, на меня никто и смотреть не станет. Пришли мне свою фотокарточку».

«Наоборот, только тогда и станет. Не позволяй, чтобы к тебе относились, как к вещи. Расширь свой горизонт, ходи в театры и консерваторию, посещай выставки, больше читай и вырабатывай самостоятельный ум. Неужели ты думаешь, что в жизни мальчики – это главное? Фотокарточка у меня есть только для комсомольского билета».

«Да, Варька, главное. И пусть лучше относятся как к вещи, чем никак. Когда-нибудь и ты это поймешь и перестанешь писать глупости про горизонт, музыку и театры... Спасибо за фотку. Я на нее часто смотрю и думаю, какое же ты еще глупое, но милое дитя».

Варя закусывала губу, переписка прерывалась, затем возобновлялась с новой силой, они просили друг у друга прощения, мечтали о том, чтобы снова встретиться, и Варе казалось, что

она хорошо знает и Машкин класс, и ее семью, она жила как будто в двух мирах, реальном, где была застегнута на все пуговицы, и в другом – волшебном, Машкином, в котором можно то, чего нельзя в мире первом. Где-то существовал коридор, подземный ход из одного царства в другое, по которому пробиралась Варина душа, когда она читала письма сестры, и эту возможность существовать одновременно в двух мирах так, чтобы дверь никогда не была закрытой, она ценила более всего в их неожиданно обнаружившемся родстве.

К тому времени, правда, Мария жила уже не в Калининграде, а в Риге, куда вышла в очередной раз замуж ее мама, к которой сестра относилась с пониманием, обсуждала с ней достоинства и недостатки приемных отцов, но последний из них, работавший в рижском политехе, ей совершенно не нравился. У него были взрослые дети, которых он ставил падчерице в пример, саму ее звал в глаза и за глаза душой и безуспешно пытался натаскать по математике. Машка намекала на то, что во время этих занятий он пытался ее помогать, но в это Варя уже не верила и приписывала несметной фантазии сестры. В письмах Мария жаловалась, что в Риге жизнь хуже, чем в Кенике, – латыши задирают нос, город скучный, залив – лужа, с косою не сравнить, и звала на весенние каникулы погостить. Но Варя в тот год было не до этого. Она до посинения готовилась в частной группе для одаренных абитуриентов, писала сочинения про поэтику лермонтовских поэм и жанровое своеобразие пьес Островского, учила стихи Некрасова и Блока и знала столько, сколько знают студенты-отличники на втором курсе, а троечники умрут и не узнают никогда. Ее занятиями руководила из-за рубежа мама, которая списывалась с преподавателями и просила быть с девочкой построже. Варя знала, что поступит в любом случае и вопрос заключается лишь в том, чтобы не ударить на экзаменах в грязь лицом, потому что у разъезжающей по всему свету профессорши недругов было ничуть не меньше, чем друзей. Подготовка ее дочери – вопрос родовой чести. Ради этого расплывчатого символа девочка читала пуды книг и скучала ужасно, не понимая, как можно превращать столь замечательное занятие, как чтение, в литературоведческое занудство, и велика ли важность, что остроносый Гоголь назвал «Мертвые души» поэмой?

Но таковыми были правила игры, в которую собиралась играть Варя, а соблюдение жизненных правил было главным требованием к поведению человека, которое предъявляла мать. Это внутренний стержень, без которого личность рассыпается и превращается в размазню – так учила Варю самая умная женщина на земле, и в этом дочка ей следовала не рассуждая, пытаясь научить материнской науке сестру, но, видимо, была не столь способной учительницей.

Елена Викторовна возвращалась домой перед самым выпускным вечером. Варя с бабушкой встречали ее в аэропорту, обе были заранее раздражены, что обычный уклад жизни нарушится, и вымещали раздражение друг на друге. У Вари волосы не желали ложиться, и она была готова изничтожить весь белый свет. И, как назло, мама долго не выходила. Прошли все пассажиры, прибыл новый самолет из Гаваны, заверещала пронзительная кубинская речь. По залу прилета сновали вертлявые мужички и предлагали подвезти до города. «У на на Куэ сабоа», – громко говорил веселый маленький мулат, приехавший из Санта-Клары учиться в Высшую партийную школу. Наконец появилась мама, но не из того выхода, по которому шли все, а откуда-то сбоку.

– Чемодан не находился. Очень устала. Скорее домой, – телеграфно сказала она и двинулась за первым попавшимся барыгой, обещавшим отвести их до города всего за четвертной, отчего бабушка возмущенно присвистнула, а Варя покрутила пальцем у виска и в машине заплакалась.

– А все от дружбы с этой воровкой, – говорила старуха вполголоса, но так, чтобы девочке было слышно. – Я с самого начала была против. Но ты сказала пусть, и вот, гляди, что сделалось с твоей дочерью. Ты должна с ней поговорить, или я отказываюсь заниматься ее воспитанием.

– Завтра поговорим.

– Ты разве не пойдешь со мной на выпускной? – поразилась Варя.

– Нет, Варенька, я себя нехорошо чувствую.

«Кремень какой-то. И правильно, что он ее бросил». А плакать нельзя: будут красные глаза. Тем более сегодня. В длинном платье, с уложенными волосами, такая взрослая и недоступная, что самой было на себя непривычно смотреть, Варя ушла в школу. Она веселилась и плясала всю ночь, украдкой от учителей пила молдавский коньяк из плоской бутылки, которую принес кто-то из мальчишек, а потом Петька Арсеньев из ближнего Калининграда передал ей письмо.

«Ты была для меня, наверное, тем, что называется первой любовью», – нараспев повторила Варя, и душа ее пела.

К себе в комнату она поднялась под утро. Солнце освещало высотные здания, крыши домов и три вокзала. Варя сама не заметила, как провалилась в сон, а когда очнулась, что-то переменялось в мире. Свет солнца стал слишком жгуч, не тепло, но зной оно несло, загоняя прохожих на теневые стороны улицы. От духоты или выпитого накануне коньяка заболела голова, слышны были звуки автомобилей, запах бензина, и Варя внезапно ощутила тоску. Она вышла на кухню. Мать стояла спиной, а лицо у бабули было такое, как в зимнюю ночь, когда она вызывала «скорую».

– Господи, Лена, что ж будет-то?

– Перестань, без тебя тошно.

Мать повернулась, глаза у нее ввалились, обозначились складки у рта, и открылись постаревшие руки. Но красота от этого не ушла, а сделалась суровой и строже.

Никогда Варя не видела свою мать в таком состоянии, и ей стало по-настоящему страшно. Не за себя, а за нее. Это была кровная связь, которую она ощутила в эту минуту совершенно явственно, и поразила биением иррационального, почти животного чувства в подчиненной разуму душе. Матери было плохо, мать была оскорблена, задета, унижена – ее великая мать, которую никто никогда не смел оскорбить.

– Варенька, случилась неприятная история. Когда я улетала из Стокгольма, один человек попросил меня опустить здесь письмо. Очень близкий мне человек, которому я не могла отказать. А в Шереметьеве меня остановили...

Произнеся это слово, мать неожиданно совершенно успокоилась и, глядя на Варю привычным преподавательским оком, медленно, как на занятии, со всем богатством интонационных конструкций и звуков русской речи произнесла:

– Возможно, меня уволят с работы. Может быть, и нет. Но ты не поступишь точно.

Здание с высоким шпилем качнулось перед Вариными глазами и рухнуло, время повернуло вспять, зеленый лес зашумел на его месте, нарядные москвичи в экипажах приезжали на Воробьевы горы и смотрели на город.

– Но ведь я готовилась, – сказала Варя неуверенно, неизвестно за что цепляясь. – Я могу попытаться сама...

Красивая женщина покачала головой:

– Нет, дочка. Ничего не получится. Слишком много из-за меня пострадало людей.

– Отпусти меня в Ригу, – сказала Варя тихо и подумала, что Машка была ее единственным спасением.

Глава шестая

Соблазн

Два мальчика выкатились навстречу Варя: один побольше, лет четырнадцати, второй вдвое его моложе. Старший от смущения боялся поднять голову, а младший уставился на Варю во всю ширь круглых синих глаз.

– Здравствуйте, тетя! Мы кушать хотим, – сказал он простодушно.

«Я тоже», – подумала Варя.

– Ну-ка, марш оба в комнату, – рявкнула Мария, – и не выходить, пока вас не позовут! В холодильнике стоял пакет кефира.

– Может, в магазин сходим?

– Лучше на рынок, – заявила сестра, подтянув развязавшуюся рубашку, в которой москвичка опознала свой линялый, действительно давно вышедший из моды батник.

По трамвайным путям с кошмарной хозяйственной сумкой девочки двинулись за Даугаву. Варя была готова под землю провалиться и не спрашивала, почему они идут пешком. Она уже поняла, что здесь живут по другим правилам, которые надо принимать, и лишь скорбно оборачивалась назад, туда, где была видна панорама старого города со шпилями церквей. На рынке так же безучастно брела за сестрой по торговым рядам, смотрела, как та выбирает, торгуется и перебранивается с продавцами, даже не пытаясь угадать странную логику ее действий. У бабульки с крашеными волосами Мария купила молодой картошки и зелени на двадцать копеек дороже, чем в другом ряду, долго спорила из-за черешни с печальным нерусским стариком, но так и не взяла, хотя старик снизил цену едва ли не вдвое, а черешня была язык проглотишь, и вдруг – Варя глазам своим не поверила, – пока они выясняли что-то у краснощекой тетки про свежесть копченого угря, при одном взгляде на которого пустой желудок заходился от волнения, Машка тихо шепнула:

– Прикрой меня!

Варя и опомниться не успела, как сестра смахнула с прилавка в сумку несколько помидоров и шмоток сала. Державшая сумку Варина рука вмиг ощутила краденую тяжесть, лицо у невольной соучастницы преступления покрылось пятнами, а Машка как ни в чем не бывало продолжала дожимать старика с его черешней, пока тот не отдал ее задаром.

Обратно шла веселая, ела немытую ягоду, косточки выплевывала на тротуар назло оглядывающимся прохожим.

– А чего? Я люблю что-нибудь стянуть.

– И не попадалась ни разу?

– Попадалась. Один раз даже в милицию отвели. Пошли Стаське с Васьком солдатиков купим.

Варя хотела про ложки спросить, из-за которых ее чуть в больнице не зарезали, но сдержалась: не пойман – не вор.

– А вообще-то, сестра, если б меня замели, то пришлось бы тебе все на себя брать. Мне опять в ментовку нельзя. Плохо там. Если не первый раз попадаешься, они изнасиловать всем отделением могут.

– Значит, я... значит, ты меня... значит, чтобы я... – задыхаясь, произнесла Варя.

– Да ведь обошлось. Ладно, не дуйся. Я просто тебя проверяла: надежная ты или нет.

– Ничего себе проверочка.

– Все рассчитано. С тобой бы связываться не стали. У тебя на лице написано, что ты пай-девочка и за тебя есть кому вступиться. Они это за версту чувуют. А вот я...

Варя почувствовала, что Мария заведет себя и расплачется.

– А мама где твоя? – спросила она, желая упредить слезы.

– Вечером приедет.

– А... папа?

– В море.

– Ты же говорила, он преподаватель в институте.

– А, – сказала Мария с горловым хрипом, – это другой. Того мы прогнали. Надоел. Теперь у нас рыбак. Хороший мужик, только зануда.

«Боже мой, – подумала Варя, – что же это за женщина, которую любит столько мужчин?»

И хотя она решила, что будет держаться с разлучницей с холодной учтивостью, которую предписывала сретенская мораль, любопытство было сильнее. Но когда вечером она увидела суетливую тетечку с круглым лицом и постоянно моргающими глазами, по сравнению с которой даже Мария смотрелась принцессой на горошине, не поверила глазам.

– Людмила Ивановна, – сказала женщина неловко, не зная, то ли протянуть руку, то ли достаточно наклонить голову, и от растерянности сделала и то и другое.

Машка расхохоталась:

– Мать, а можно она тебя просто Люсей будет звать?

Но чем больше она старалась, чтобы все было непринужденно, тем натянутей становилась маленькая женщина. Варя кожей ощутила, какой клубок переживаний – обиды, ревности, вины – вызывала она в хозяйке запущенной квартиры и как пыталась Машка все сгладить, но ничего не сглаживалось. Женщина стеснялась и тяготилась присутствием посторонней девочки, натянуто улыбалась и тихим голосом делала ненужные замечания детям. Она избегала смотреть гостю в глаза, не оставалась с ней одна, и Варя казалось, что она отгораживалась, защищалась от нее своими детьми.

«Но папа, папа, – думала Варя, – что мог найти высокий умный папа в этой мышке и оставить маму, такую умную, необыкновенную, красивую?»

– Ну как, понравилась тебе моя Люся?

– Очень, – сказала Варя, вкладывая в короткое слово всю гамму раздрыганных чувств.

– Она удивительная женщина. Ни минуту не была одна. Она, по-моему, физически этого не может. Нет, не в этом смысле, просто к ней все липнут. А умная знаешь какая!

– Это хорошо, что ты ее так любишь, – с нежностью глядя на Марию, произнесла Варя.

– Она, между прочим, когда мои сочинения пишет, так их всегда в классе учительница вслух читает. Папа говорил: тебе бы в университете учиться, ты бы профессором стала. Он всегда ей показывал свои работы.

– Ты откуда знаешь?

– Она рассказывала. Думаешь, моя мама врет? Да ты что! Она просто не знает, что это такое. Она читала то, что он писал, а потом брала карандашик, делала на полях замечания, и он писал: ты гений! У нас это все сохранилось. Хочешь, покажу?

– Что же он тогда от нее ушел?

– Она его прогнала.

– Она папу?!

– Он ей изменил, – сказала Мария глухим голосом.

– И это все?

– А тебе мало?

– Да разве из-за такой ерунды люди расходятся?

– Это не ерунда! У них была такая любовь, что после этой измены она не могла с ним больше, понимаешь? Да ничего ты не понимаешь! Я знаю, что ты про нас думаешь. Конечно, тебе здесь все ужасным кажется. И мама моя, медсестра в санатории. И я, пэтэушница. И одеваюсь не так, и веду себя не так. И братья мои тебе смешны. Говорим неправильно, едим не то, языков иностранных не знаем, книг у нас в доме нету, Лорки по стенам не висят... – Мария расходилась все сильнее, и Варя с испугом и любопытством смотрела на сестру, в которой и

не подозревала таких глубоких переживаний. – А знаешь, какой Стася талантливый? Он по шашкам первое место прошлым летом в лагере занял.

– Да я вовсе не думала ничего такого.

– А хоть бы и так, – не унималась Мария. – Я, может быть, вундеркиндом была, я в первом классе лучше всех была по письму, и, если бы меня в интернат маманя не отдала, потому что денег на троих детей не хватало, а там меня кормили и одевали, если б в школе нормальной училась и со мной занимались бы, как с тобой, я бы с золотой медалью школу окончила!

«А может, не надо было тогда столько детей заводить?» – подумала Варя, но произнести вслух не решилась.

– А я вот, а я... – Мария заплакала, и Варя стала растерянно гладить ее по голове, утешать и говорить, какая Мария красивая и умная, как счастлива она, что у нее такая сестра, хотя теперь уже хорошо знала, что Машка пользуется сиротской долей так же ловко, как тибрит с прилавка помидоры. Но все равно было жалко и сестру с ее разными папами, и себя, без папы выросшую. Она тоже заплакала, девочки обнялись и не заметили, как уснули.

На следующий день над всей Прибалтикой сияло голубое небо, и от вчерашних слез не осталось следа. Людмила Ивановна с мальчиками уехала с утра в санаторий. Договорились, что сестры поживут несколько дней одни, посмотрят город, а потом приедут на взморье.

Жара стояла невыносимая. Квартира с южными окнами за день нагрелась так, что Маша вылезла из душа и в одних трусах ходила по комнатам. Варя отводила от голого тела толстушки глаза, но скоро привыкла и только когда в дверь позвонили и Мария пошла открывать, покачала головой:

– Ты б хоть оделась.

– Лучше ты разденься, – засмеялась Машка, и глаза у нее так заиграли, что Варя покраснела.

Ночью налетели комары, девочки пробовали достать их шваброй, но комары забирались под потолок, тогда они включили пылесос и охотились на насекомых. А потом лежали в кровати и разговаривали.

– А у тебя сколько мальчиков было?

– Ну, Машка.

– Сестры должны рассказывать друг другу все. Неужели по-настоящему ни с кем?

– Маша!

– И даже не целовалась?

– Целовалась, конечно! – обиженно врала Варя и краснела, а Машка хохотала:

– Я по лицу вижу, что врешь!

– Да как ты можешь видеть, если темно?

– Я ясновидящая.

– Мы в бутылочку играли и в кис-мяу, – оправдывалась Варя, и лицо ее становилось пунцовым.

– Ну это что за игры! Детский сад! А в спичку играли?

– В какую еще спичку?

– Ты спичку не знаешь?

– И знать не хочу.

– Врешь, хочешь. Только стесняешься спросить. Значит, слушай. Садятся мальчики с девочками в кружок через одного, берут маленький кусочек спички, зажимают губами и передают по кругу. Из губ в губы.

Варе и неприятен был, и дразнил этот разговор. А Мария, как назло, замолчала. Появился и зажужжал комар, Варя стала рукой его хватать, маленькая бестия отлетала, а потом снова подлетала и норовила угодить в самое ухо.

«Скорей бы уж крови напился и улетел», – думала Варя, но комар был хитрее, возмущенно жужжал и не цапал, а только прогонял девичий сон, словно лежала на столе телефонная трубка и Варя не хотела говорить с дозванивавшимся до нее человеком.

– Спишь, Маша?

– Сплю.

«Господи, надо же иметь такие крепкие нервы!»

– А у тебя сколько было парней?

Машка перевернулась и легла на живот:

– Ну если по-настоящему... ну... как считать... ну в общем... трое, – невразумительно сказала она.

– И ты с ними... Да?

Варя не была очень консервативна, она допускала, что взрослая женщина, ну, может быть, студентка на старших курсах, но чтобы школьница...

– Да ты что? – расхохоталась Машка. – У нас полкласса еще год назад в летнем лагере перетрахалась. Днем камни на полях убирали, а ночью... Вы там как живете-то? Сынки московские! Ну ничего, я тебя образую.

Варя почувствовала, что ее бьет дрожь. Она хотела сразу отказаться, но Машка была настроена решительно, и Варя в душе с ней соглашалась: в самом деле, нельзя же так жить, шестнадцать лет, аттестат зрелости в кармане и ни одного поцелуя в личной биографии. Нет, конечно, до конца она не пойдет, об этом и речи быть не может, но хотя бы поцеловаться-то по-настоящему надо. Какой-то бесенок, который заставлял ее изводить доцента-испанца, мучил Варю в эту минуту, в конце концов, если не лукавить и не обманывать саму себя, именно за этим и ехала она в Ригу, где ничто не будет ее смущать и напоминать о Рождественском бульваре.

Глава седьмая

Нехорошая игра

Барменша была латышкой. Она ласково улыбнулась Варе и произнесла несколько слов на непонятно-журчащем языке.

– Два коктейля, – приказала вынырнувшая сбоку Мария.

Лицо у барменши мигом переменялось, она молча подала два бокала с вишенками, и сестры удалились в темный угол. Варя тянула через трубочку коктейль, и от мерцающего света, пряных запахов, музыки, полки с заграничными винами, ликерами и коньяками, от подсвечника, который был сделан из пузатой бутылки, облитой накапавшим со свечей воском, голова у нее шла кругом. Ей нравились здешние сдержанные и воспитанные люди, и она не понимала, почему сестра на них злится.

– Ну гляди, гляди, дурак какой! Как с такой здоровой башкой жить можно! Ботан несчастный. А этот? Кроме футбола, в голове ни фиги. Давай водки с грейпфрутовым соком возьмем.

Вместо светловолосой девушки за стойкой возник скучающий мужчина средних лет с накапавшим брюшком и печатью высшего образования на хорошо выбритом лице.

– Дефочки, – сказал он механическим голосом, – у фас есть фосемнадцать лет?

– Конечно, – не моргнула глазом Мария.

– Покажите фаш паспорта, – сказал латыш, интонируя голосом, точно был в легком подпитии, но Варе показалось, что бармен намеренно коверкает великую речь, которую любовно преподавала мама.

– Они у нас дома.

– Итите томой и принесите их.

– А вы что, у всех документы спрашиваете? И у этих тоже? – Машка кивнула в сторону подростков, которые сидели за большим столом.

– Они пьют сок-ка.

– Тогда дайте сок.

– Сок-ка нет-ту, – радостно пропел бармен, глядя вверх их голов.

– Значит, кофе.

– У нас остался толко алкогольный напитки. – Латыш исчерпал терпение и словарный запас, отвернулся от сестер и заговорил с наголо обритым парнем с серьюгой в ухе и рыжеватой бородкой. Тут же появились и сок, и кофе, и орешки.

Подошел мальчик тринадцати лет, в сером джемперочке, деловито прихватил два шампань-коблера и стал угощать юную подружку, сбежавшую с утренника в начальной школе.

– Сволочи, – ругалась Машка, – нет, ты видишь, как мы здесь живем? Чтобы в Кенике кто-нибудь спросил в баре у девушки паспорт? Эти гады вообще в последнее время обнаглели. А ты еще спрашиваешь, почему я не учу латышский. Пошли.

За несколько часов город переменялся. Народ прибывал, и все направлялись в одно место. Сестер несло в этом потоке, они миновали старый квартал, ратушу, памятник латышским стрелкам и увидели толпу.

– Кто это? – спросила Варя.

– А, – махнула Мария рукой, – у латышей праздник какой-то. У них это часто.

Набережная Даугавы была заполнена людьми. Их собралось несколько тысяч. Многие были одеты в красивые костюмы – особенно хороши были девушки в клетчатых и полосатых юбках и украшенных узорами туниках. У некоторых были наплечные покрывала, на головах венки, и многообразие расцветок и оттенков напоминало громадный живой ковер, по которому пробирались угрюмая Мария и восхищенная Варя. В одном месте была сооружена большая сцена, несколько человек расставляли динамики и микрофоны. Но больше всего Варю

поразило, что в этой толпе, которую не охраняла милиция и не сдерживали никакие барьеры, как это случилось бы в Москве, не было ни одного пьяного, никто не лез драться, не кричал и не задирался.

– Пойдем отсюда. Тут мы никого не найдем.

– Я хочу остаться.

– А я нет.

– А я да.

Сестры стояли в окружении поющих людей и смотрели друг на дружку горящими глазами.

– Дорогу найдешь? – сухо спросила Мария. – Тогда пока.

Варя не понимала, о чем поют, что говорят и выкрикивают эти люди, почему поднимают руки и откуда взялись знамена. Но толпа, не теряя внутреннего строя и порядка, становилась с каждой минутой все более наэлектризованной, и было непонятно, что здесь происходит – праздник, манифестация, месса? Лица менялись, возмущение, торжество, угроза, непонятная решимость переливались на них. Варя была в самой середине разноцветного народного моря. Несколько раз к ней обращались, она пожимала плечами и улыбалась, но когда люди видели, что она не понимает их языка и не поет вместе с ними, лица делались не вежливо-равнодушными, как у продавщиц в магазине, но разгневанными. Никто не причинял ей вреда, но ее сторонились, изгоняли отсюда, и она почувствовала себя на этом озлобленном празднике, как если бы непосвященный человек или соглядатай проник на тайное собрание религиозных сектантов и был раскрыт. Гигантский рой, сохраняя правильную форму, вился над землей и в любую минуту мог броситься, заклевать, закусать Варю до смерти. Расталкивая поющих, девочка бросилась бежать.

В глазах у нее рябило от флагов, в ушах продолжало звучать грозное пение и раздавались выкрики, она боялась, что ее схватят, но никто ее не трогал, и уже в двух шагах от набережной стало пустынно и тихо. Люди остались там, а Варя одиноко и пугливо пробиралась по темным улицам со старыми домами и церквями. Еще совсем недавно привлекательные и таинственные, они показались ей враждебными, и почудилось, что кто-то ее преследует, останавливаясь в те минуты, когда замирает она, и продолжая движение, когда она идет. Но никого не было вокруг, город спал, охраняемый армией великой страны, несли службу пограничники в устье Даугавы, стояли на рейдах большие военные корабли, и никто не принимал всерьез пения окончивших школу детей.

Квартира, в которую пришла Варя за полночь, была старой и тосковавшей по ремонту. В высоте терялись закопченные потолки, к которым были опасно привешены люстры с разбитыми плафонами. Старая, потертая мебель, древние, распатанные диваны, истоптанный пол. Мария в вечернем прикиде с вызывающе накрашенными губами и двое парней с бутылкой вина и тортом сидели за столом в комнате. Один из мальчиков был высокого роста, с усиками, опрятный, коротко постриженный и на первый взгляд весьма приятный, другой, поменьше, был одет небрежно, с серьгой в ухе, длинными волосами и в очках с мощными линзами, за которыми угадывались живые и умные карие глаза потомственного рижского интеллигента. Контраст между ними был даже разительнее, чем между московской и балтийской сестрой, но еще больше не похожи были эти двое и девушка на вдохновенных людей, которых Варя только что видела на набережной.

– Что с тобой, сестренка? – спросила Мария, затягиваясь сигаретой и прищуриваясь. – На тебе лица нету. А ведь я тебя предупреждала: не лезь туда. Скажи спасибо, что легко отделалась.

– Ерунда, – возразил тот, что был с усиками. – Ничего бы ей не сделали. К русским из России они относятся нормально. Они ненавидят только нас.

– На ней же не написано, откуда она.

– Уезжать надо. Не будет нам тут жизни, – сказал интеллигент.
– Армия из Прибалтики не уйдет никогда! – отчеканил усатенький.
– Еще одно слово, – и я выставлю обоих за дверь! – вскипела Мария.
– Лучше налейте дамам шампанского. А тебе, сестричка, штрафную.
– Ага! Значит, вы и есть та самая красавица Варя, которая учит испанский язык, – обрадовался интеллигент. – В Риге в прошлом веке жил испанский консул. Он был женат, но влюбился в здешнюю девушку.

– И что?
– Так мучился, что бросился в Даугаву.
– Ну и дурак, – сказала Машка, наступая ему на ногу и с тревогой поглядела на побледневшую сестру.

Но парень ничего не замечал:

– Его спасли, а на следующий день он бросился снова. Второй раз спасти не стали.
– Я же говорю, дурак.
– Почему? – удивился очкарик.
– Потому что думать надо, что говоришь.

Мальчишки выпендривались и друг друга подкалывали, Машка кривлялась, но все равно эти люди были свои, родные, и Варя вдруг почувствовала, что значит общность крови в чужом городе. Она пила шипучую яблочную бурду под названием «Салют», которую Мария называла шампанским, и чувствовала, как уходит из души страх. На смену приходили расслабленность и усталость, сквозь которую девушка замечала, что оба парня положили на нее глаз и от нее зависело, кого она выберет, но ей не хотелось никого выбирать, а просто сидеть и говорить. А еще больше – спать.

– Маша, можно тебя на минутку?
– Ну что? – Глаза у Машки возбужденно блестели. – Какого берешь? Уступаю.
– Пусть они лучше уйдут.
– Ты чего, белены объелась? Куда они уйдут? Они к нам в гости пришли.
– Я спать хочу.
– У, черт меня угораздил с тобой связаться!
– Я не могу, – сказала Варя жалобно, – я устала, ну, пожалуйста.
– Если ты, если ты... – В глазах у Машки сверкнула обида. – Я для нее старалась, специально маму с братьями из дома отправила. А она...
– Я посижу еще чуть-чуть, но, если усну, не обижайся.

На смену «Салюту» пришел портвейн, разговор сделался живее, и Варя с удивлением обнаружила, что к ней клеится интеллигент с серьгой. Она небрежно обронила что-то насчет границы и профессора-мамы, мальчишки не отставали, и Варя сама не заметила, как стала говорить горячо и быстро. Машка смотрела на нее насмешливо, позевывала и, наконец, прервала разговор:

– Давайте сыграем в трах.
– Как это? – удивилась Варя.

– А очень просто. Начинаем по кругу считать, но вместо чисел, которые делятся или оканчиваются на три, говорим «трах». Кто ошибается – снимает с себя одну вещь.

Варя растерянно посмотрела на очкарика Мишу.

– А что? – сказал интеллигент. – Пожалуй, в этом есть торч. У Борхеса подобное было.
– Раз, – начала Мария.
– Два, – произнес Андрей.
– Трах, – неуверенно сказала Варя.

Она смеялась вместе со всеми, глядя, как парни снимают с себя часы, носки, вынимают из карманов расчески и сигареты, спорят, можно ли это считать вещами или нет. Мария ски-

нула туфлю и отшвырнула ее в угол, и Варя не была уверена, что она не сделала это намеренно. Маленький Миша снимал одежду и не трогал серьгу, говоря, что скорее расстанется с трусами. Но все равно Варя была уверена, что, как только дойдет до более серьезных предметов, игра иссякнет сама собой. Однако, в очередной раз подсев на цифре «семьдесят три», которая была тем трудна, что тут шло два граха подряд, Машенька расстегнула линиялый батник, давно потевший благородный кремовый цвет, и он так же легко и просто полетел на пол, как туфля.

Варя не верила очам. Сама она сняла только заколку и серебряный браслет, и при виде дикарки-сестры, для которой обнажаться было, видимо, более естественным состоянием тела, чем носить одежду, ей захотелось выйти из комнаты, сказать, что никакого удовольствия и смысла в этой забаве она не видит, и все-таки что-то не отпускало Варю. И этим «что-то» была не глупая детдомовка, которая совершенно не комплексовала оттого, что некрасива, не очкарик Миша, чьи глазки вдруг сделались противными и маслянистыми, так что трудно было поверить, как мог один и тот же человек рассуждать о метафизике, экзистенциализме и психоделическом роке и липнуть к глупой, никчемной и некрасивой девке, не убиравшей его руки со своей коленки. Все, что окружало Варю, было противно до невыносимости и требовало, чтобы она ушла, но странный насмешливый взгляд высокомерного, не торопившегося расставаться с вещами Андрея был причиной, ее удерживавшей. Серые, со стальным отливом глаза, напротив, точно вопрошали: «Ну что, сдрейфила, маменькина дочка, бабушкина внучка? Слабо тебе?» Он бросал вызов ей и всей ее жизни, и не принять этот вызов Варя не могла и защитить себя могла только на этом поле.

Вскоре Машка отстрелялась, снимать ей было больше нечего; завернувшись в простыню, она тянула пиво, рядом под той же простыней сидел голый очкарик с серьгой, который окончательно поглупел, щекотал свою подружку-кубышку и отпускал дурацкие шуточки над оставшимися игроками, а Варя с белесым продолжали наматывать счет. Что-то заразительное, пьянящее и совершенно новое, никогда прежде Варей не переживаемое, было в этой атмосфере. В какой-то момент она поймала себя на мысли, что, пожалуй, могла бы снять кофточку, чтобы все увидели ее новое шведское белье и высокую грудь, но больше... Она бы лучше умерла или выбросилась в окно, но еще сильнее ей хотелось победить сидящего напротив врага. Тяжело дыша, двое смотрели в глаза друг другу, лица у обоих были напряжены, у парня выступили капельки пота на лбу, Варя то и дело откидывала мешавшие ей волосы. Она понимала, что перешла черту и если проиграет, то обратить все в шутку и пойти на попятную не удастся. Уже не осталось в ушах сережек и заколок в волосах, Варя сидела, дрожа и удерживая внимание из последних сил, но все равно споткнулась, когда счет перевалил за три сотни.

– Отвернись! – приказала она и побледнела.

Парень усмехнулся и продолжал в упор на нее смотреть, потом глаза у ее врага налились кровью, замутились и поплыли, дыхание стало более частым, и себя не помнившая Варя почувствовала, что победа ее близка. Она дожимала это несчастное, загнанное существо, мужское похотливое животное, не умеющее делить на три, и не испытывала к нему жалости.

Когда он ошибся в последний раз, Варя усмехнулась, потом не глядя собрала свои вещи и вышла из комнаты. Обнаженной спиной она чувствовала и ненависть, и восхищение, с какими смотрел ей вслед поверженный соперник. С залива накатывал влажный северный ветер, колонна автобусов ехала по притихшему городу, увозя с набережной напевшихся, накричавшихся, опьяненных близкой свободой людей. Был тот час, когда в городе сделалось особенно тихо, и только поливальные машины мыли Ригу, чтобы наутро она предстала чистой и свежей, как всегда. А глаза у мальчика красивые, подумала Варя. И руки, наверное, ласковые. Но как можно, когда в другой комнате, в это же время... В коридоре слышались шорох, шепот, шум, несколько раз в дверь постучали, но, утомленная долгим днем, она ничего не слышала.

С утра Машка ходила по квартире мрачнее московского таксиста, которому заплатили строго по счетчику. Постели были не прибраны, повсюду валялись пустые бутылки, окурки, безжалостное солнце высвечивало ночной ужас и злое лицо Марии с сузившимися глазами как олицетворение вчерашнего кошмара.

– Ты кем меня, сестра, считаешь? – произнесла она звонко и, не смущаясь, выговорила страшное слово.

Варя подняла на нее недоуменный взгляд.

– Что уставилась? Как я буду людям в глазам смотреть? Сразу с двумя в одну ночь переспала.

– За-ачем ты это с-делала?

– «За-ачем, за-ачем!» Не могла я его так оставить. Ладно, собирайся, на море поедем.

– Нет, я... мне в Москву...

Машка посмотрела на нее обиженно, а потом процедила сквозь зубы:

– Ишь ты, нежные мы какие! Ну и катись в свою Москву. Катись-катись!

Она стояла и орала, и этот крик преследовал Варю, неуклюже шедшую в туфлях на каблуках, с тяжелой сумкой по трамвайным путям под палящим солнцем и недоуменными взглядами латышей: неужели начался русский исход? Сталинская высотка, как гигантский часовой, провожала Варю на вокзале.

«Пока я стою в этом городе, – говорило здание, – он наш».

Глава восьмая

Грехопадение

– Язык – это прежде всего политика. Здесь все должно быть поставлено на государственную основу. Вы бы видели, какие деньги вколачивают французы в свои культурные центры. Французы! Из которых лишнюю копейку не выбьешь. Голландцы! Те просто скупердяи, каких свет не видывал, но весь мир их знает. Американцы, шведы, немцы – все. И только у нас трусость и глупость чудовищная. Там, где не надо, швыряем деньги направо-налево, а где они позарез нужны, жмем. Над нами скоро весь мир смеяться станет. Мне плевать на то, что у нас ничего не купишь в магазинах и всюду тебе хамят, но мы живем в империи и должны проводить имперскую политику. – Мать носилась по квартире, и Варя с бабушкой испуганно на нее смотрели. – А в Чили? Что мы там себе позволили? Мы были обязаны спасти Альенде! А вместо этого позорно ушли и предали друзей. Дали себя публично унижить. И так же завтра предадим Кубу. И помяните мое слово, из Прибалтики и Средней Азии нас погонят, как только почувствуют нашу слабость. Подойди сюда, доченька. Господи, красивая-то какая. Умная, скромная, только одеваешься неправильно. Тебе же не тридцать лет! Разве такие длинные узкие юбки сейчас носят? Девочка должна носить джинсы, футболочку, ветровку и рюкзачок на спине. Так все студентки на Западе одеваются. Как же я перед тобой виновата!

Бабушка устроила Варю в Библиотеку иностранной литературы, куда внучка каждый день ходила по бульварам, туда – вниз, а обратно – преодолевая небольшой подъем. Она писала карточки, наклеивала фотографии к читательским билетам, заполняла формуляры, ремонтировала книги и с другими девушками не сходилась, но и не заносилась, держась отстраненно и ровно. Не любила она только стоять на выдаче, когда к ней подходили читатели, смотрели мимо и Варя чувствовала себя шкафом, в котором хранится энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Еще хуже было, если начинали пренебрежительно заигрывать. Варя сразу оборачивалась в фурию и, чтобы ее не держали за девочку, забирала волосы в пучок и носила длинные юбки, которые так раздражали Елену Викторовну, строго смотрела на посетителей, сухо обращаясь к ним «девushка» или «молодой человек», поставив на последних окончательный и жирный крест, по крайней мере до тех пор, пока не поступит в университет.

Но с университетом ничего не получалось. Напротив, все шло хуже и хуже. Она превратилась в заложницу собственной матери, которую не выгнали с работы, однако ни в какие командировки больше не посылали, не направляли в хорошие группы, оттесняли от дел и давали понять, что положение ее неустойчиво.

– Ленка, сиди тихо! – говорили подруги. – Пройдет время, все успокоится и вернется.

Но сидение и смирение было не для матери. Она не умела тихо. Ее место было на трибуне, куда она то и дело лезла с методическими предложениями, дидактической критикой начальства, примерами из собственной практики и чтением цветаевских стихов. Ее красивый голос как демон носился над аудиториями, заседаниями кафедр и учеными советами, и лишь теперь Варя стала понимать, что не только они с бабушкой, но и вся *alma mater* предпочитала отправлять светило за бугор, где Елена Викторовна размягчалась, чувствовала себя человеком и не лезла со своим уставом в чужие монастыри.

А здесь еще немного – и она нарвется на грубость. А если матушку уволят из университета, об этом даже страшно было подумать. Содрогнется небо, разверзнется земля, отворятся хляби небесные, и случится конец света. Варины несчастья ничто по сравнению с тем, как терзалось самолюбие Елены Викторовны.

«Страшная вещь самолюбие», – думала Варя, а бабушка учила ее терпению и ожиданию.

– Деточка, счастье приходит женщине само. Его не надо искать и за него сражаться. Сражающаяся женщина – это некомильфо. Она пахнет потом, и этот запах пробивается сквозь любые духи. Женщине все дается даром, только если она умеет этот дар принять.

Варя думала об Андрее с его жесткими усиками, вызывала в памяти их сумасшедшее противостояние, вспоминала, как играли они, глядя друг на друга горящими глазами. Наверное, если бы он позвонил или написал, она ответила бы ему. И если бы им пришлось опять встретиться, все могло бы произойти по-другому. А вот Марии она писать все равно не будет. Мария – это другое. Женщина должна понимать женщину, а тем более сестра – сестру. Варя и сама не могла объяснить, что именно сделала Мария не так и за что была на нее обижена, но шаг к примирению должен был исходить из Риги.

А между тем Рига молчала. И такая тоска напала на Варю – хоть вешайся. Время от времени ей звонили одноклассники, звали в школу или просто собраться у кого-нибудь на квартире. Но Варя не шла. Никогда прежде она не чувствовала себя ни в чем ущемленной, наоборот, была самой красивой, быстрой, лучше других одетой, даже через перекладину выше всех прыгала, только двое мальчишек могли за нею угнаться. И вдруг эта катастрофа...

От этого ей с каждым разом становилось тяжелее выслушивать разгневанные материнские речи. Елена Викторовна была тяжела в быту. Привыкнув к хорошей жизни, профессорша уставала от очередей в магазинах и толкотни в метро, выплескивала раздражение на домашних, так что физическое существование с ней в одной квартире делалось день ото дня невыносимее. Она цеплялась к Варе, жаловалась на ее холодность и походила на большого, изнывающего от недостатка внимания подростка. Варя чувствовала себя загнанной, одинокой и никому не нужной. Как же плохо, когда в доме нет мужиков! Хоть бы братика родила. От отсутствия любви она чахла и с ужасом обнаруживала, что на коже появляются прыщики, точь-в-точь как у сводного Машкиного брата. Варя смотрела на женщин в библиотеке, проработавших там по многу лет и состарившихся среди пыльных книг, на университетских преподавательниц, среди которых было множество одиноких, неустроенных, бездетных женщин, и эта судьба пугала ее. А вдруг и ее ждет то же самое?

Кроме нее, никуда не поступил только Петька Арсеньев из Калининграда. Кто-то из одноклассников пустил слух, что Арсеньев сделал это из-за нее. Варя знала, что здесь ни при чем, но в душе ей было приятно, и однажды вечером позвонила в Калининград.

– Петюнчик. Я прочитала твое письмо.

В трубку задышали.

– Петюнчик, ты дурачок или совсем с девушками не умеешь обращаться?

– Я не думал, что ты захочешь со мной встречаться.

– У тебя ни с кем не получится, если будешь так думать. Девушки не любят закомплексованных мальчиков. Они любят смелых, дерзких и нахальных. Завтра в шесть часов жди меня на бульваре против дома с голяками.

С утра дул сильный ветер и шел дождь, он лил и лил, затапливая город, в лужах лежали первые желтые листья, все живое спряталось от воды, собираясь впасть в спячку, и никуда идти Варе не хотелось. Она уже жалела, что ввязалась в затею с Арсеньевым, и решила остаться дома, но, когда маленькая стрелка часов доползла до пяти, представила обескураженного Петюню, растерянно ходящего взад-вперед по бульвару под угрюмыми взглядами каменных мужей и дев, вспомнила некстати обязательную сестру и, вздохнув, стала собираться на свидание.

По дороге она загадала: если Петя будет с цветами, встретится с ним еще; если без – этот раз будет единственным и коротким. Но Пети не было вообще. У Вари от удивления даже престлестный ротик приоткрылся. Она развернулась и пошла назад, потом стала судорожно припоминать, не перепутала ли сама место и время, дошла до Сретенки и снова вернулась, как вдруг Петя вынырнул из-за ее спины, взлохмаченный, нелепый, с мокрыми волосами.

- Извини, Варька, у нас электричку отменили.
- И знать ничего не знаю, – отрезала Варя.
- Я и так рано вышел.
- Мужчина обязан все предусмотреть. Куда пойдём?
- В «Гном».
- Нет уж, хватит с меня баров!
- Тогда к моему дядьке.
- Какому еще дядьке?
- А у меня тут дядька-художник. У него мастерская рядом.

Варя никогда не бывала в мастерских у художников и посмотрела на Петю с уважением. Лопух лопухом, а родственников правильных имеет.

Двое двинулись вниз по бульвару. Петюня не верил своему счастью и сиял от восторга, а Варя воображала себя искушенной, познавшей отраву жизни молодой женщиной и снисходительно дарила сладкие плоды влюбленному в нее мальчику, ощущая, как плывет у него под ногами земля.

– А ты правда меня любишь?

– Правда.

– А почему так поздно написал?

Петя пожал худенькими плечами.

– Боялся? Разве это стыдно, дурачок? Я ведь могла тем временем другого встретить.

– И встретила?

– Много будешь знать... – Она щелкнула его по носу, прижалась к нему и положила худенькую узкую руку на свое плечо.

Вот и все, она королева, а он – ее единственный подданный. Что же, бывают маленькие королевства. А на бульваре все равно никого нет и некому видеть, с кем идет по лужам девушка голубых кровей из Последнего переулка.

Опустился сырой осенний вечер, туманный и теплый, какие случаются в середине сентября, фары машин, огни в окнах и уличные фонари светились в дымке. Они свернули с бульвара, нырнули в паутину переулков с внутренней стороны кольца, прошли мимо церквушки, монастыря и гаражей и оказались возле большого семиэтажного дома. По грязной лестнице поднялись под самую крышу. Петя нашарил под половичком ключ и открыл дверь.

– А где же дядя? – шепотом спросила Варя, вступая в большое чердачное помещение.

– На выставкоме.

Судя по всему, художник был человеком разносторонним: на иных полотнах были пейзажи и натюрморты, на других портреты и очень много обнаженных женщин. На книжной полке стояли иностранные книги на русском языке, о которых Варя знала по рассказам мамы, не смевшей эти книги провозить, и среди этих картин и книг девушке вдруг стало ужасно весело. Это была какая-то странная, лихорадочная, едва ли не истеричная веселость. Она принялась танцевать, сама себе напевая, крутясь между одетыми и неодетыми женскими фигурами. Все плыло у нее перед глазами, и тело будто не принадлежало ей в эту минуту. Наконец она выдохлась, закачалась и рухнула прямо на недоуменного, молча глядевшего на нее Петю.

– Чаю хочешь?

«Эх, Петя, Петя, – подумала Варя. – Станный какой-то ты, но хороший, волнуешься, стараешься. Тебе бы попасть в хорошие руки...»

Ей вдруг захотелось сделать ему приятное.

– Петруччио, – сказала она шепотом, – а ты когда-нибудь целовался?

Петька набычился и замолчал.

– Хочешь, научу?

Она приблизила к себе его лицо.

– Не бойся, дурачок, губы разожми и слушайся меня.

Губы у него были припухшие, как у ребенка, и сам он показался ей в сумерках вовсе не противным – просто задержался в развитии. По паспорту восемнадцать, а выглядит на пятнадцать. Но ничего, подрастет, наверстает. Она целовала его, гладила по затылку, а перед глазами у нее стоял Андрей. И целоваться хотя и было приятно, но того тревожного и счастливого полуобморочного рижского страха Варя не ощущала – было просто ровно и хорошо.

– Зачем ты это делаешь?

– Тебе не нравится?

– Нравится.

– Что ж спрашиваешь, дурачок?

Петька осмелел, стал шарить руками по ее груди, пытаясь залезть под кофточку, и Варя принялась отбиваться:

– Все, Арсеньев, все. Ну не надо, не надо. Не надо так делать, пожалуйста. Что ты надумал? Ты должен меня слушаться. Я тебя взрослее, я опытнее, я женщина, наконец. Да перестанешь ты, в самом деле! Я сейчас рассержусь.

Глаза у Вари сверкнули, и Петя попятился.

– Никакая ты не женщина, – сказал он обиженно.

– Я женщина, Петенька, – вздохнула Варя, глядя поверх стриженной головы на залитый дождем город. – Это случилось полгода назад. К нам домой приходил учитель испанского языка, старинный друг моей мамы. Уже пожилой такой, с сединой и с красивой серебряной бородой, разделенной на две части. От него всегда приятно пахло табаком для трубки и дорогим одеколоном.

Варя остановилась и искоса посмотрела на Петю. Он сидел не двигаясь, не дыша и не поднимая головы.

– Я сама не знаю, как это получилось, – продолжила Варя, и на глазах у нее навернулись слезы. – Бабушки дома не было. Мы читали текст про Дон Кихота и Дульсинею, а потом он велел мне его пересказать. Я плохо себя чувствовала, и у меня ничего не получалось. Он немного сердился, сел рядом и стал показывать, как правильно произносить «элье» и как должен работать при этом язык. Приблизил свое лицо и стал меня целовать.

Варя затаила дыхание: ей вдруг показалось, что ее подслушивают.

– И что?

– Я ответила ему, – произнесла она трагически.

– Что ответила? – упавшим голосом спросил Петя.

– Я ответила ему поцелуем! – взорвалась Варя. – Не знаю, как это могло случиться, – голос у нее задрожал, – я сошла с ума, я никогда не думала, что я такая. Кому я теперь нужна?

– Мне, – выдохнул Петя.

Она невесело усмехнулась.

– И ты бы женился на мне?

– Женился б.

– Да тебе б мамочка не разрешила! – засмеялась Варя и потрепала его по волосам. – Ну я пойду. Пока.

– Не уходи. Ты не знаешь мою маму. Она добрая очень.

Варя задумалась.

– Пообещай, что ничего со мной не сделаешь.

– Чего не сделаю?

– Ну не застрелишь, например, на вокзале, если я вдруг соглашусь, а потом передумаю.

Но с Петюней творилось необычное. Печальный Варин рассказ не встряхнул его, не остановил, а, наоборот, подхлестнул: рука скользила теперь не только по кофточке, и весь он сделался куда более решительным.

«Вот козлиная порода, – думала Варя, молча отпихивая от коленок потную мальчишескую ладонь, – застрелит такой, как же!»

– Арсеньев, перестань, или я уйду!

Петя же не оставлял своих поползновений, детское простодушие исчезло с побледневшего, сумрачного лица, и Варя начала его побаиваться. Она сама не понимала, почему позволяет ему пробираться все дальше и не уходит, но вдруг сделалась вялой и отстраненной, будто все происходило не с ней и это не она оказалась на потертом, не застеленном бельем диване клюквенного цвета, а другая, незнакомая гибкая девочка вроде еще одной Вариной сводной сестры.

«Господи, глупо как, – думала она, следя за тем, как он ловко ее раздевает. – Зачем я это делаю? Сейчас он поймет, что я наврала».

– Нельзя сегодня, Петенька, мне сегодня нельзя, – шептала она, – ну, понимаешь, дурачок.

Но он ее не слушал, догадывался, что она обманывает его обычным девичьим враньем, а может быть, и он тоже был не он и все происходило во сне и виноватыми оказались картины, краски, мастерская, где позировали таинственному художнику женщины, не стесняясь своей наготы. Варя лежала с закрытыми глазами, представляя себя такой же натурщицей, которой велели замереть, и не успела понять, как все ее тело содрогнулось от боли...

Потом они ничего не говорили. Молча сидели и смотрели в окно. Варя пошла в ванную, а когда вернулась, в комнате горел свет, одетый Петька ходил по комнате, и Варя боялась посмотреть в его глаза. Она думала не о себе, а о нем. Каким было для него это потрясение? Но странное дело, ничего потрясенного в движениях ее первого мужчины не было, скорее некая деловитость, и объяснений от нее он не ждал. А может быть, просто ничего не понял?

Варя впиалась глазами в его озабоченное лицо, а Петька потоптался и сказал:

– Ты извини, скоро дядя придет. Мне прибраться надо. Он не любит, когда... Я позвоню потом.

Варя заплакала. Она плакала оттого, что все произошло, произошло глупо, насмешливо и совсем не так, как ей представлялось, и не с тем, с кем хотелось, а Петя тихонечко подталкивал ее к выходу, помогая одеваться так же спокойно и уверенно, как недавно раздевал.

По темной заплыванной лестнице Варя сбежала, едва держась за перила, слабый свет падал из окна, тоненькая фигура отбрасывала на стену неясную печальную тень, в подъезде были слышны голоса, мяукнула кошка и заплакал ребенок, и жуткая мысль остановила Варю.

Господи, какая же она дура! Ведь он это все подстроил, он заранее знал, чем все кончится, привел ее в этот дом и намеренно разыграл из себя простака, а теперь звонит и перед всеми хвастается. Он использовал ее хуже Машки. И не ее первую наверняка сюда приводил. Она хотела разыграть его, а получилось, что разыграл ее он. Поединок, который она себе на беду выиграла в Риге, окончился сокрушительным поражением в Москве, она проиграла глупо, бесславно, унижительно. Варя заметалась по лестнице, а потом опрометью бросилась прочь от проклятого места.

Глава девятая

Сапожки

Она шла по незнакомым улицам, не разбирая дороги. Несколько раз пересекла бульвар, потом очутилась на площади, спустилась к реке и поднялась на высокий холм, откуда была видна большая часть города. Что это был за город и что она тут делает, Варя не знала. Город был пуст, город был чужд, по жилам его обитателей текла иная кровь, город не принимал ее и требовал, чтобы она как можно скорее его покинула.

Улицы сделались пустыми, Варя прошла мимо огромного казенного здания с крупно пронумерованными подъездами и массивными дверями, у которых стояли милиционеры. Они посмотрели в ее сторону с подозрением, но между ними и ею лежало достаточное расстояние, и Варю не останавливали. Вскоре она вышла на площадь; на первом этаже самого обычного дома, расположенного между двумя магазинами, ей бросилась в глаза вывеска: «ПРИЕМ ГРАЖДАН КРУГЛОСУТОЧНО».

Неприметный человек в военной форме провел ее по коридору в небольшую комнату, где сидел молодой дружелюбный офицер с рыжими волосами и такими же пухлыми, как у Пети, губами ипил сливки из треугольного пакета.

– У тебя что-то случилось, девочка? – спросил он негромко.

– Я хочу вам сказать одну вещь.

– Очень внимательно тебя слушаю.

– Летом мою маму задержали в аэропорту Шереметьево.

Губы у рыжего сделались еще пухлее.

– И кто же ее задержал?

– Вы.

– Я никого не задерживал, – развел он руками, и в голубых глазах запрыгали огоньки.

– Ну не вы лично, а ваши люди.

– Наши люди тоже не задерживают ничьих мам.

– Задерживают, – отрезала Варя. – И похоже, ее просто подставили. От наших можно ждать чего угодно, но шведы...

Рыжий посмотрел на Варю с интересом.

– Как зовут твою маму и кем она работает?

– А зачем вам знать?

Рыжий слегка растерялся:

– Как же я тогда... Ну хорошо, рассказывай дальше.

– Ей предложили стать осведомителем.

Рыжий шмыгнул носом, и у Вари вдруг возникло ощущение, что сейчас они начнут играть, как в сумасшедшей Риге играли на раздевание, и если она не хочет проиграть, то говорить надо аккуратно и взвешенно.

– Она отказалась, и теперь ее не хотят выпускать за границу.

– И поэтому она прислала тебя?

Варя вскинула на рыжего разгневанные глаза.

– Сливки скиснут.

– Что?

– Послушай меня, девочка, – сказал рыжий ласково, – если твоя мама везла из-за рубежа что-то не разрешенное по закону, то этим занимается таможня. Выдачей выездных виз – Управление виз и регистраций. Пусть она туда обращается. И если ты не хочешь неприятностей себе и маме, то не надо больше сюда приходить. Ты хорошо меня поняла?

– У меня к вам есть предложение. – Варя говорила невнятно и скоро, боясь, что он не дослушает и уйдет. – Я буду вашим осведомителем, а моей маме разрешат уехать.

Губы у рыжего скривились, и все его подвижное, живое лицо заволновалось.

– Ты, наверное, очень любишь свою маму? – спросил он не сразу.

– Нет, – покачала головой Варя. – То есть да, люблю. Но мне с ней трудно. И бабушке тоже. А главное, трудно ей. Она любит нашу страну, но только там. А здесь ее все раздражает.

Последние слова на рыжего подействовали и в чем-то убедили.

– Вот и нелегалы то же самое говорят, – пробормотал он задумчиво. – А что, по-твоему, гадко быть осведомителем? Порядочный человек на такое не согласится?

– Разные бывают ситуации, – ответила Варя уклончиво.

– А тебе никогда не приходило в голову, что у нас есть достаточно добровольных помощников, которые считают такую работу честью и ничего для себя не просят?

– Я не знаю...

– Конечно, ты просишь не за себя. И все-таки согласишься, неприятно, когда люди, желая помочь, начинают с того, что выдвигают условия. Если нам и нужна помощь, то искренняя. Ты меня понимаешь?

– Да.

– И готова нам искренне помогать?

– Нет.

Рыжий удовлетворенно кивнул.

– А что ты вообще умеешь?

– Я знаю английский и испанский, – сказала она, помрачнев.

– Испанский? – удивился он. – А ну-ка, скажи мне, что значит golpe de estado?

– Удар по государству, – произнесла Варя неуверенно.

– Не совсем так, хотя в общем-то верно. – Он пожевал губами. – Ты, наверное, книжки про шпионов любишь?

Варя вспыхнула:

– Никаких книжек про шпионов я не читала, но я... я была, например, на антигосударственном митинге в Риге.

– Ты что же, знаешь и латышский?

– Нет.

– А почему ты решила, что митинг был антигосударственным? Сдается мне, ты большая фантазерка и собираешься морочить мне голову.

– Я знаю дом в Москве, где есть антисоветская литература.

– Где же?

– Я не помню точного адреса.

– Вот видишь.

– Но это здесь, совсем недалеко. Я могу показать. Там живет один художник... У нас еще его племянник в классе учился...

Варя представила Петьку и попыталась сконцентрировать всю свою ненависть к нему и его неизвестному дядьке, позволявшему гадкому мальчишке обманывать, завлекать в мастерскую доверчивых девушек, а может быть, даже бывшему с ним в стоворе, но сильнее ненависти было ощущение того, что она делает что-то ужасное.

– Так как фамилия твоего одноклассника?

– Простите, – сказала Варя, поднимаясь. – Я просто хотела ему отомстить.

– Странный способ для мести ты выбрала, бедняжка, – сказал рыжий сочувственно. – Давай договоримся так: я дам тебе свой телефон, и, если тебе захочется или потребуется опять кому-нибудь отомстить, ты мне позвонишь.

Давешний неприметный человек появился на пороге и провел Варю к выходу. Она выбежала на улицу, выбросила записку с телефоном и скорым шагом пошла мимо большого музея, витрин, на которых стояли одетые манекены, были разложены игрушки, велосипеды и детские коляски. Варю трясло от гнева, возмущения, стыда. Она ненавидела себя в эту минуту еще больше, чем несколько часов назад, и на лице у нее было написано отчаяние.

«Господи, что делать-то?» – Варя лихорадочно заозиралась. Она находилась у большого памятника в начале скатывающегося вниз сквера. Огромные нежилые дома окружали ее. Было пустынно, лишь кое-где в окнах горел свет. Девочка почувствовала запах еды. Он доносился из небольшой ночной пельменной, находившейся на углу улицы и площади. Возле освещенного здания стояло несколько такси.

Варя была так голодна, что взяла двойную порцию со сметаной, она ела, не обращая внимания на таксистов, бросавших на нее любопытные взгляды, на недовольную уборщицу, и привлекла ее только серая кошка, которая, шатаясь, ходила между столиков, мяукала и смотрела на девочку голодными, настороженными глазами. Варя присела на корточки и стала ее кормить. Кошка ела не жадно и не скоро, но медленно, деловито, будто в поедании пельменей заключалась очень важная для животного работа. Она была страшно худой, с отвисшим животом и вытянутыми сосками, и Варя вдруг поняла, что кошка недавно окотилась.

Дождь прекратился, на тусклом московском небе угадывались звезды, взошла луна, чье сияние не в силах были загасить городские огни, и сделалось холодно. Таксисты разъехались. Варя пошла сквозь ночной город, стараясь удерживать направление к вокзалу. Изредка мимо проезжали машины, останавливались и предлагали ее подвезти, но Варя отказывалась и шла очень быстро, чтоб не замерзнуть. Лужицы под ногами покрывались льдом и хрустели. Она миновала Садовое кольцо, глухими темными переулками вдоль трамвайных путей вышла на широкую улицу, повернула направо и добрела до знакомого красивого вокзала.

– Мне очень надо поехать, – говорила Варя, однако голос получался не жалобным, а дерзким.

– Купи билет и поезжай. – Женщины в фирменных пальто смотрели равнодушно и поворачивались спиной.

– Я отстала от класса.

– Ехай на электричках, – посоветовала проводница самого последнего вагона. – Сначала до Шаховской, потом до Ржева и дальше. Дня за два доберешься.

В пустом раскачивающемся вагоне было страшно, прошел наряд милиции, двое сержантов посмотрели на Варю, которая прижалась к окну, и посоветовали ей пройти в первый вагон. Несколько раз ее ссаживали контролеры, она спала в залах ожидания маленьких городов и железнодорожных поселков, ее не будили ни гудки паровозов, ни металлические голоса, объявлявшие прибытие и отправление поездов. От голода ее шатало, щеки полыхали, волосы спутались и стали грязными. Нужны были деньги, а денег не было, и негде было их взять, но однажды на вокзале в последнем русском городе Варя проснулась оттого, что кто-то на нее смотрит.

– Я такие хочу. – Девочка лет четырнадцати показывала на сапожки, которые были на ногах у Вари.

– Где же я такие возьму?

– Где хочешь. – Голос у девочки был злой и странно контрастировал с миленьким кукольным лицом и выразительными карими глазками.

Варя поманила девочку пальцем:

– Хочешь сапожки? Могу продать.

Девочка побежала к матери.

– Сколько ты за них просишь? – Интеллигентная женщина смотрела на нее подозрительно, вертела сапоги, проверяла молнию и пыталась понять, в чем заключен подвох.

- Сорок. В Москве такие стоят сто пятьдесят.
- Ну хорошо, если они тебе, Танечка, правда нравятся...
- Нет, – внезапно сказала Танечка звенящим голосом. – Мы можем дать за них рубль.
- Как рубль? – опешила Варя.
- Рубль, и все.

Варя почувствовала, что еще немного – и она умрет от голода, умрет от вокзала, грязи и бессонницы и тогда никакие сапожки уже не будут ей нужны, а девочка смотрела на Варю с презрением к ее еще не размытому, не стершемуся московскому благополучию.

– Хорошо, – сказала Варя торопливо. – Но у меня есть не только сапожки. Вот смотрите: куртка, джинсы, свитер, водолазка. Это все настоящее, из-за границы. Почти новое. Я прошу за все – сто пятьдесят рублей. И впридачу что-нибудь из твоей одежды.

– Шестьдесят, – проговорила девочка, не сводя с Вари холодных глаз. – А за мою куртку, джинсы и сапоги – с тебя сорок.

Полчаса спустя в паленых джинсах, куртке из кожзаменителя и ботинках с неудобной колодкой, обойдя несколько магазинов и убедившись, что никакой колбасой в них не пахнет, Варя сидела в себежской столовой и ела холодный суп, липкие макароны с пережаренной хлебной котлетой, а когда, шатаясь, вышла на улицу, то подумала, что не захочет есть никогда.

В кассе остались билеты только в спальный вагон, а на них денег у нее не хватало.

– Ну и хорошо, – рассудительно сказала кассирша. – Попадется тебе мужик какой-нибудь... Завтра на пассажирском уедешь.

Глава десятая Ягодные места

Город скоро кончился, по обе стороны дороги, окруженные лесами, лежали большие озера. Варя шла по высокому, проложенному по межозерной гряде шоссе. Она стерла ногу, но после вокзалов, залов ожидания, людского столпотворения и всеобщего неудобства ей было так хорошо, что если рядом останавливались редкие машины и предлагали подвезти, Варя отказывалась. Сентябрьское солнце, закатываясь за лес, освещало синюю, зеленую и желтую местность. Шоссейная дорога уходила прямо, а налево вела песчаная. По ее обочинам росли сосны и ели, ноги утопали в песке. Девочка прошла еще несколько километров и оказалась у воды. Это было еще одно озеро с изрезанными берегами, заросшими тростником. По воде расходились круги от плескавшейся рыбы. На противоположном берегу горел костер. Варя села на дерево и стала смотреть на пламя, отражавшееся в темной воде. Она чувствовала себя очень неудобно в чужой одежде, но одновременно ей стало казаться, что, поменявшись с незнакомой девочкой одеждой, она отдала ей часть своего существа и теперь она больше не Варя из Последнего переулка, которой не удалось поступить в МГУ, но лицо без имени, рода деятельности и места жительства, а точнее, все это нужно заново наживать.

Скорее всего, подумала она, я превратилась не в другую девочку, а в бездомную кошку, которая бродит среди людей и ищет корма и тепла. «А вдруг я беременна?» – с ужасом подумала она и вспомнила бабу Любу. Ей вдруг расхотелось ехать к Машке, расхотелось возвращаться домой, а потянуло к этому огню еще сильнее, чем манили когда-то три вокзала.

Варя пошла вдоль кромки воды и вскоре убедилась, что принимаемое ею за дальний берег озера было сильно вытянутым островом. В небольшой, еще не очистившейся от кувшинок заводи покачивался плот. Девочка ткнула шестом в берег и поплыла. Плот качался, управлять им было неудобно, но слабый ночной ветер дул прямо по направлению к острову, и, подгребая шестом, как веслом, Варя сумела добраться до неизвестной земли.

На поляне у костра несколько человек готовили ужин. На перекладине висел черный котел, который помешивала ложкой на длинной ручке невысокая, плотная женщина в резиновых сапожках, болоньевой куртке и платке. Один мужчина колот дрова, другой, в широкополой шляпе, придвинув к огню короб, перебирал ягоду. Когда Варя подошла к свету, все трое на нее уставились.

- Тебе кто разрешил взять плот? – прозвучал враждебный женский голос.
- Разве он чей-то? – удивилась Варя.
- Ты часом не из детского дома сбежала?
- Мужики хватятся, а плота нету.
- Так доплывут, – хохотнул парень в шинели.
- Степа, отгони его и подожди там, – приказал невысокий мужчина с седой бородой. –

А вечером поговорим: плот надо лучше прятать.

Парень нехотя встал и исчез в темноте.

– Есть хочешь?

От костра шел жар, Варю разморило, она уснула у огня и сквозь сон слышала негромкий разговор, потом кто-то посветил ей в лицо фонарем, она заворочалась, хотела встать, но сон был сильнее. Тот, кто ее разбудил, быстро и виновато произнес:

– Спи, спи.

На еловых лапах у костра было тепло, и, когда Варя проснулась, на острове не осталось никого, кроме вчерашней женщины.

– Теперь жди завтра, соня.

Женщина была немногословна, но все же Варя удалось понять, что на острове жили заготовители клюквы. Днем они перебирались на берег и уходили на болота, а вечером возвращались с коробами в лагерь. Загорелая, черноглазая Антонина, единственная женщина в этой компании, оставалась готовить еду. Она не задавала Варя никаких вопросов, не смотрела в ее сторону, и беглянка, чтобы смягчить сердцестряпухи, помыла вчерашнюю посуду, отчистила котлы, натаскала воды и дров для костра.

Днем на подветренном берегу, где находился лагерь, стало совсем тепло. Варя попросила у Антонины мыла, помылась сама и перестирала одежду. Она сушила голову на солнце и теплом ветру, нежила не привыкшее к испытаниям, похудевшее тело, и голова у нее кружилась от запаха вереска.

– Дядечка Тимофей, – обратилась она к самому маленькому по росту и старшему из заготовителей за ужином, – а можно я у вас немного поживу?

У костра возникла пауза.

– Ты как, Антонина?

– Против, – отрезаластряпуха.

– А разве ты не говорила, что тебе нужна помощница? – возразил Тимофей, обнажая беззубый рот, и перечить ему никто не посмел.

Порядки на острове были довольно строгие, но разумные. Никто не бездельничал, но и не принуждал других работать; одни собирали ягоду, другие ее перебирали, третьи отвозили к поезду, но откуда были эти люди, какие связывали их отношения, Варя не знала. Деньгами заведовал Тимофей, все заработанное стекалось к нему, а потом делилось по каким-то хитроумным, заранее обговоренным правилам. Сухого закона на острове не было, но каждый знал свою дозу и выпивал столько, чтобы утром встать и уйти за много километров. Постепенно Варя стала различать заготовителей, которые поначалу казались ей очень похожими. Одни из них были озабочены лишь тем, чтобы как можно больше собрать ягоды и заработать денег, другие проводили время с удовольствием, могли в какой-то день не пойти на болото, а заняться ловлей рыбы или просто устроить выходной. Были люди семейные и холостые, молодые и постарше, имевшие постоянную работу и перебивавшиеся случайными заработками целый год. Но друг друга они знали давно, много лет подряд приезжали в эти места и на острове селились оттого, что опасались стычек с местными, не любившими приезжих и видевшими в них конкурентов. Последнее обстоятельство возмущало всех.

– Мы вручную собираем, а они грабилками, – объяснял Варя Степан, тот самый говорливый парень в шинели, которого она видела в первый вечер у костра. – После них ягода несколько десятков лет расти не будет. И нас же не любят!

Однажды Варя упростила, чтобы ее взяли на болото. Она была уверена, что не ударит в грязь лицом, однако, когда через два часа тяжелой дороги они дошли до ягодного места, была так измотана, что едва набрала полведра. После этого она никуда с острова не трогалась, сдружилась с Антониной, рассказывала ей про свою рижскую жизнь, маму-медсестру, отчима, про интернат и двух талантливых братьев, а та – про своих дочерей и маленький городок в Молдавии, откуда была родом. С мужем Антонина развелась, растила двоих детей одна и на все лето и осень уезжала на заработки. Кроме готовки она еще стирала, перебирала клюкву, и Варина помощь была ей кстати, хотя перебирала ягоду девочка так же медленно, как и собирала. Ей нравилось это занятие, руки делали свою работу, но мыслями Варя уносилась далеко-далеко, мечты ее были сладостны и глубоки, она скользила глазами по озеру, дальнему лесу и облакам, и трудно было поверить, что в этом мире могут жить злые, раздраженные, обиженные люди, и только темный взгляд Антонины, который Варя иногда на себе ловила, выводил ее из душевного равновесия. Антонина спала в отдельном шалаше, куда каждую ночь приходили по очереди мужчины. Все, кроме Тимофея. Варя пыталась делать вид, что ничего не замечает, но однажды Антонина, глядя на нее большими черными глазами, сказала сама:

– Мне за это деньги из кассы дают.

Сказала так просто, будто речь шла о постирушке.

– Зато дети у меня одеты-обуты. Языки учат, на пианино играют, а не по болотам от отчима бегают.

Глаза у нее стали нежными и тягучими, она отвернулась и принялась яростно чистить котел.

– И ты отсюда уходи, пока других до греха не довела. Скажи Тимофею спасибо, что он мужиков удерживает. А еще мне, – невесело прибавила она.

Перед сном Варя отошла в лес, как вдруг недалеко хрустнула ветка. Варя подняла голову: прямо на нее шел Степан.

– Пройдемся по бережку, Машута.

– Поздно, Степа.

В плечо больно вцепилась сильная рука.

– Пойдем.

– Уйди. Закричу.

– Куда ж тут уйдешь, тут остров, – прошептал Степан, мягким кошачьим движением зажимая Варю рот. – Развлекаешься, девочка? В бродяжью жизнь захотелось поиграть? Ты Тоньке-подстилке про детдом и бедную маму заливай.

Иголки впивались Варю в кожу, она провалилась в черноту, но неожиданно кто-то очень тихо, как зверь, так, что сучок не хрустнет, шедший по лесу, негромко позвал:

– Степан!

– Тс-с.

– Ты что там делаешь, Степан?

– Не вздумай вякнуть, – прошептал Степа и крикнул: – Что люди в лесу делают, дядя Тимофей?

– Поди к костру, разговор есть.

Варя не спала всю ночь. Рядом храпели уставшие мужики, девочка смотрела на полог, слышала, как поднялся ветер и пошел дождь. Дождь стучал по тенту, струи воды стекали на землю, воздух наливался сыростью, но в спальнике было тепло. Происходящее показалось муторным сном, из которого нужно было проснуться и только сделать для этого усилие, но усилие оставалось недостижимым, и вместо знакомых стен она видела полог и слышала, как раскачивались, стряхивая воду, деревья.

Медленно рассвело. Встали Антонина и ночевавший с ней Виктор, самый скупой и работающий из заготовителей. Они долго разводили под дождем костер, тихо и привычно переругиваясь, как муж и жена после тридцати лет общей жизни. Потянулись к завтраку мужики, лагерь наполнился голосами, кашлем и запахом табака. Варя тоже хотела встать и помочь Антонине, но Тимофей ее остановил:

– Спи, Марусенька, спи.

Вечером Степан не вернулся. Никто не говорил про него ни слова, как если бы никакого Степана на острове не было. Варя чувствовала себя виноватой, хотя и не была уверена, что его исчезновение было связано с ней.

С отъездом Степана – или же просто так совпало – жизнь на острове переменилась. Из-за дождей и холода собирали меньше клюквы и чаще оставались в лагере. Только двое продолжали ходить на болото, остальные сидели у костра и пили самогон. Однажды Тимофей стал вспоминать пустыню Атакаму, по которой шел несколько дней и едва не умер от жажды.

– Днем от ветра и солнца там трескается кожа, глаза воспаляются от пыли и блеска солончаков. А ночью невозможно согреться даже в пуховых спальниках.

На сыром острове рассказ про далекую пустыню прозвучал довольно странно, но заготовители привыкли к мемуарам своего предводителя.

- Ты еще расскажи, Тимоша, как тебя там чуть не подстрелили, – захохотал один из них.
- Зубы-то где потерял, Васильич?

Однако Варя Тимофею верила и любила его расспрашивать. Иногда вечерами они выплывали на плотике в озеро и рыбачили.

- А ты где родилась?

– В Калининграде.

– Странно, – произнес Тимофей задумчиво, – у тебя совершенно не калининградский говор. Не могу только понять какой. Есть одна интонация в общем вопросе... Ты, верно, плохо помнишь.

- Это потому что моя мама много ездила.

– Она что же, и за границей бывала? – спросил Тимофей, не сводя глаз с поплавок.

– Нет-нет, – произнесла Варя испуганно. – Она по Прибалтике в основном перемещалась.

А Прибалтика – это ведь заграница. Ташите же, дядечка Тимофей.

– А я в Белграде родился. После войны родители вернуться вздумали, границу переехали, и больше я их не увидел.

Варе вдруг стало нехорошо. Сиротливо, как если бы она осталась одна на этом плотике.

– А меня вовсе и не Машей зовут, – сказала она. – Маша – моя сводная сестра. Я, дядя Тимофей, в Сантьяго родилась.

– Где? – воскликнул он, и что-то болезненное почудилось ей в его обыкновенно невозмутимом голосе.

– В Чили. Тогда там президентом был Сальвадор Альенде. Может, помните, его фашисты убили в бою. У нас в газетах писали.

– Не было там никакого боя. И его не убили вовсе, а он сам покончил с собой.

– Вы откуда знаете? – подозрительно спросила Варя, и сердце у нее сжалось, как бывало всегда, когда она слышала о самоубийстве.

– Сам видел. Поплыли к дому, не будет сегодня рыбалки.

Сказал глупость, чушь нелепую, точно отвязаться хотел, и не стал ничего больше ни рассказывать, ни спрашивать. Даже смотреть перестал в ее сторону, будто она чем-то его обидела или напугала и не хотел он ни с какой Варей знаться, а только с Марусей калининградско-рижской. А почему?

На берегу девочка поймала темный взгляд Антонины, а ночью Тимофей ушел в шалаш. Варя сидела до самого утра у огня и едва сдерживала слезы. Что был ей этот непонятный человек с неясным прошлым и еще более туманным будущим, нелепыми историями и байками? Она смотрела на воду, на леса, где смешивалась по берегам желтизна берез и зелень сосен, встало солнце, уже совсем осеннее, не разогревавшее, а только утешавшее землю и ее обитателей. Варя плакала долго и сладко, давая волю слезам, и уже не знала, плачет ли из-за Тимофея, из-за сапожек, из-за мамы, Пети, сестры или непоступления в университет, и не слышала, как маленький человек подкрался и встал у нее за спиной, не видела, что за ним следом шла черноглазая женщина, и не понимала, что их связывает и что может произойти, если вдруг этот человек к ней подойдет. Все это осталось за спиной у Вари, как невидимая тень.

Глава одиннадцатая

Куколка

Варя немного томилась затянувшимся пребыванием на острове и обрадовалась, когда ее послали в город за продуктами. После нескольких недель островной жизни Себеж показался ей огромным, как столица. Девочка вздрагивала от шума машин и толкотни, гудки поездов на железнодорожной станции навевали на нее дорожную тоску, а в магазинах было пусто, продукты продавалось по талонам и спискам, кое-где толпился за свободным товаром народ. Варя тоже отстояла очередь, купила крупы, подсолнечного масла, соли, конфет, печенья и шоколада, зашла в промтоварный, выбрала подарок Тимофею, вспомнила про остальных заготовителей и под скорбными взглядами сумрачных себежских мужиков купила бутылку шотландского виски. Она истратила почти все общественные деньги, добавила свои, оставшиеся от продажи сапог и куртки, и уже собиралась возвращаться в лагерь, как вдруг на улице ее окликнули.

– Девушка, вы не в Москве в библиотеке работаете?

– Вы ошиблись.

– Ну как же! Я вас очень хорошо помню. Я книжки у вас брал.

– Молодой человек, я вас никогда не видела и ни разу не была в Москве, – отрезала Варя.

– «Молодой человек!»! Вот видите! – обрадовался он. – Конечно, это вы.

– Не смейте меня преследовать! Я милицию позову.

– Не позовете вы никакую милицию. Она сама вас ищет. Да подождите же! Я все равно за вами не могу угнаться. У меня сердце больное. Я ведь главного не сказал. Вас мама ваша ищет. И бабушка. И сестра.

– Какая еще сестра? – Варя остановилась на безопасном расстоянии от задыхающегося читателя.

– Ваша, ваша сестра! Плотненькая такая, смешная, большеротая. Теперь вспомнили? Они приходили в библиотеку все трое.

– Я им послала открытку, они не должны беспокоиться.

– Вот видите. А говорите, это не вы. А может быть, открытка не дошла? Давайте так сделаем. Мы сейчас поедem с вами вместе в Москву, и вы им все сами про себя расскажете. А мне они не поверят.

– Да с чего вы вообще взяли? Я студентка, я клюкву собираю и никакой сестры из библиотеки не знаю.

– Пусть клюкву, – сказал он, неспешно приближаясь. – Я тоже студентом был. Правда, нас не на клюкву, на картошку посылали. Может, вы хотя бы им позвоните? Или разрешите мне сказать, что вы живы? Дайте мне свой теле...

Но Варя уже бежала. На шоссе ее нагнал молоковоз. Она отчаянно замахала, шофер притормозил, дал задний ход, подхватил ее и довез до развилки шоссе, и все время по дороге к озеру ей казалось, что сердечник ее преследует. Она почти бежала и представляла, как все обрадуются, когда она достанет бутылку виски, разольют по кружкам, выпьют и закурят, однако у заросшей кувшинками заводи никто ее не встречал. Варя до рези в глазах вглядывалась на линию острова и не могла понять, что происходит в лагере и куда делись люди.

Она ходила по лесу, ждала вести с берега, плакала, разговаривала с собой, как с маленькой, уговаривала себя не унывать и подбадривала, придумывала причину, почему могли исчезнуть заготовители, и вдруг наткнулась на свежий тайник. Под кучей лапника лежали разобранный на доски плот, знакомые котлы, пила и топор. Все было тщательно упаковано, оставлено до следующего сезона. Варя положила продукты в тайник и утром вернулась знакомой дорогой в город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.